

Дмитрий КЛЁСТОВ

Избранное

Кемерово 2009

84.2Рос 6
КНФ

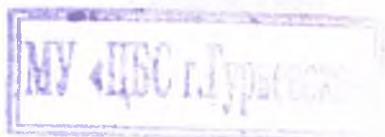
Дмитрий КЛЁСТОВ

ИЗБРАННОЕ

78439-1

Кемерово
Кузбассвуиздат
2009

ББК 84Р7-5
К48

Клёстов Д. П.

К48 Избранное / Д. П. Клёстов. – Кемерово: Кузбасс-
вузиздат, 2009. – 279 с.

ISBN 5-202-00314-5.

ББК 84Р7-5

ISBN 5-202-00314-5

© Клёстов Д. П., 2009

© Издательство «Кузбассвузиздат», 2009

Земная ноша

ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΗ

АВГУСТ

Август травы лесные сушит,
Просветляет сосновый бор,
Но ещё будоражит душу
Затишающий птичий хор.

Куст смородины, ягод полный,
Хочет вымолвить: «Не оставь!»
Эх, как хочется в жаркий полдень
Через речку пуститься вплавь!

Эх, как хочется эту сказку
Кадр за кадром смотреть весь год!
Лето движется не к развязке –
Кульминация настаёт.

АРМЕЙСКОЕ

В ушах шумело: увеличить скорость!
Атака очень яростной была.
Уже не встанет молодая поросль,
Которая под траками легла.

Грохочет танк – гроза и гордость века,
А я зайчонка вижу в триплекса
И силой всей давлю на тормоза,
Как будто бы увидел человека.

БАБЬЕ ЛЕТО

Рассыпается кровохлёбка,
Брызжет бронзовым ручейком.
Держит, путая ноги, тропка,
Перевитая репяшком.

Осень, осень, ты нынче, право,
Не по-северному щедра:
Зелена по лугам отава,
А ведь ей золотеть пора.

И пора озорным рубашкам,
Лёгким платьицам – отгулять.
И пора полевым ромашкам
Всё девчонкам перегадать.

Мне пора погрустить немножко,
Глядя в чистый березнячок,
Отыскать, как медведю, лёжку
Да к медведице – под бочок.

* * *

Бежит по руднику родник –
Прозрачный, светлый как слеза.
Однажды я к нему приник,
Но мне ударило в глаза,
В мои глаза и жадный рот
Ударил сероводород.
И оказалась чистота
Совсем не та, совсем не та...

БОЛЬШАЯ ТОЛМОВАЯ

Брожу, удивляюсь: фантазия чья?
Шамана,
шута,
скомороха?

Серебряной нитке лесного ручья
Огромное имя отгрохать.

Знать, кто-то ценил драгоценный исток,
Мечом рассекающий горы.
В раскосых глазах его тѣк ручеёк
До самого синего моря.

Сквозь призму его бескорыстной любви
И сквозь паутину сомнений,
Как в главную реку, впадали ручьи
И реки других поселений.

Он не был провидцем, кто в этот родник,
Как в реку большую, поверил.
Но первая шахта и первый рудник
Освоили каменный берег.

Ступили на берег началом начал
Всего Салаирского края...
И зверь вымирает, и лес обнищал,
И чахнет река Толмовая.

Камыш, и осока, и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки...
А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.

Хотя временами и тяжко смотреть,
Что давший начало – обязан хиреть.

БРОШЕННЫЙ ХУТОР

Ну вот и избы лубяные
Моей заветной стороны,
Известки кольца годовые
В разломе рухнувшей стены.

Печаль сиротская струится
Из ветхих окон и щелей,
В родимых пятнах половицы
От незатушенных углей.

На брёвнах трещинки забиты
Янтарной накипью смолы,
Налётом плесени покрыты
Когда-то красные углы.

Как зябко, горестно и сиро
На месте бывшего тепла.
За что же вас глухая сила
На умиранье обрекла?

Я не найду себе ответа,
Посколь призванью вопреки
Я сам не раз на этом свете
Чужие рушил очаги,

Чтоб встали домны заводские
И города в глухом краю...
Известки кольца годовые
Напоминают жизнь мою.

БУРОВАЯ

Взметнулась в небо вышка буровая,
Стальные трубы в глубину ушли.
Друзья меня помбуром величают,
А я посредник неба и земли.

Земную твердь окидывая взором,
Я вижу в недрах залежи свинца.
А лампочки, взбегая по опорам,
Горят в ночи созвездием Тельца.

Алмазный зуб вгрызается в забои,
Земная твердь упорна и тверда!
И в скважину, пробуренную мною,
Глядит заочарованно звезда.

В РАСПАДКЕ

В голубом распадке
Черневой тайги
Белые палатки
У Шептун-реки.
Бронзовеют кедры
В малахите крон,
Молодой и светлый
Мне приснится сон:
В нём не куролесил
Я и не тужил,
Восемнадцать песен
На земле прожил,
Восемнадцать вёсен
Ни беды, ни слёз...
На манок берёсты
Прилетает дрозд.
На груди веснушки,
Рябинки в хвосте,
А любовь подружки
В звонкой бересте.

* * *

В родном доме
Присяду на порожек.
Голландка-печь –
Немеркнувший очаг –
Вдыхает мой дымок
От папиросок,
Как будто тоже
Курит не в затыл.

В её груди
Потрескивают угли
Моим беспечным думкам
В унисон.
Как будто бы
Сошлись друзья, подруги
Далёких светлопамятных
Времён.

Ведут неторопливую
Беседу,
Верша свои чистилища
И суд.
Им похвались,
На жизнь свою посетуй,
Они – друзья,
Они меня поймут.

И, верно, скажут:
Хватит куролесить,
Не мальчик ведь
Мотаться тут и там.
Из дюжины

Недюжинных профессий
Ты выбери поближе
К дому, к нам.

Душа моя котёнком
Разморится
У милого, родного
Очага.

А завтра старший
Мастер постучится
И... укачу я
В белые снега.

В ШУРФЕ

Опять тупое онемение
Мозги усталые сведёт,
Хотя никто меня, как мерина,
Не подгоняет и не бьёт.

Невольный мат из глотки вылетит,
И, чтоб избавила тоска,
Моя рука возьмёт и вылепит
Из белой глины петушка.

Бесхитростное изваяние
Я поднесу к губам своим,
Земли почувствую дыхание,
Повеет давним и родным.

Живи, наивная затея!
Игрушку ставлю на бадью.
Напарник мой лицом светлеет,
Увидев выдумку мою.

ВЕСНА

Весна сперва застенчива,
Глядит на всех украдкою.
Весне покамест нечего
Дарить и нечем радовать.

Часок с берёзкой грустною
Пошепчется, поделится,
И скажет ей: «Подруженька,
Снимай-ка шубку белую».

Пошепчется и с вербою,
И почки её мглистые
Вспорхнут над каждой веткою,
Как шмели золотистые.

А утром подмороженным
Над сёлами, просёлками
Вдруг грянет заворожено
Она скворчиным щёлканьем.

Кричат на всю околицу
Вороны: «Мы не стар-р-рые!»
Весна любовь и молодость
Пошла дарить-раздаривать.

* * *

Ветер-дворник метёт, подметает
Ранней осени сор золотой.
А девчонка цветы поливает
Из колодца студёной водой.

Завтра выпустит Северный полюс
Ледящих своих скаунов:
Под копытом умрёт гладиолус –
Нежный витязь осенних цветов.

Знать, дано от рождения что ли
Той девчонке, не знавшей беды,
Очень нужен глоточек воды,
Чтобы страшной не чувствовать боли.

1-68484

***

Владимиру Носову

Здравствуй, доброе утро, Барита,
Перламутровый говор берёз!
Мне однажды вдыхать привелось
Этот воздух, знакомый до слёз,
В суматохе капризного быта.

Там отвык от лукавых привычек
И обрёл необычный обычай:
Спозаранку – в берёзовый лес,
Чтоб избавить пригорки окрест
От нашествия рыжих лисичек.

Ах! Какие там были грузочки –
В бахrome, как в исподней сорочке,
Ни одной червотчины – строчки
И сомнительной крапинки нет,
Хоть бери и засаливай в бочки,
Им поклоны я бил в заморочке
И шептал восхитительный бред!

На роскошной интимной полянке
Как меня соблазняли поганки,
А в ответ получали пинка.
Я буянил восторженно, лихо.
Было радужно, солнечно, тихо,
Мне дорога казалась легка.

Мне легко и дышалось, и пелось,
И любилось, и мучалось вслух,
Отчего-то мне очень хотелось
Бичевать захиревшее тело
И лелеять восторженный дух!

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

Когда ледяная замять
Снежком затуманит взор,
Всплывает воздушный замок
В отрогах Кавказских гор.

Ни троп к нему, ни ступеней
И нет подвесных дорог...
И будто могучий гений
В нём правил немалый срок.

В нём горницы и светлицы
На уровне облаков.
И может быть, там томится
Жар-птица моих стихов.

Из смертных никто ни разу
В те горницы не войдёт...
Лишь сосенки-скалолазы
Грустят у его ворот.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ

Возвратилась? – Добро пожаловать!
Воссияла – правым права!
Но в душе ни любви, ни жалости,
А в душе моей – трын-трава.

Знаю, кровью своей и плотью
Таинств праведных не вершить:
Одураченный лоб щепотью
Нету силушки осенить.

Не согнуть-разогнуть спины
По-над вечным её покоем.
Мне под небом родной страны
Быть раскольником и изгоем.

Да. Не к ней простирал я руки,
Откровенно светлея лицом,
Под венчальным её венцом
Всё мне видится лик старухи.

ВОЛГА

Я на Волге, друзья!
Вот и выпало счастье
Посидеть на волжанском песке.
Я родился в Сибири,
Но чем-то причастен
К этой русской могучей реке.
Моют кудри в воде
Ивняковые ветки,
И круги затихают вдали.
Может, здесь собрались
С Ермаком мои предки
И в тайгу Зауралья ушли?
Чем-то близким пахнуло,
Как будто я дома.
Соловьи жигулёвские – нашим сродни.
И стрижи, что стремительно
Реют над Томью,
И над водами тихой Ини.

***

Вы сказали: город мал,
Каждый день увидишь друга...
Я напрасно потерял
Все свои часы досуга.

Вы сказали: ночь долга,
Что задумаешь – приснится...
Я сердито отвергал
Все увиденные лица.

Вы сказали: вздох любой
Передать умеет ветер...
Все уста на белом свете
Заколдованы зимой.

***

Говори, я слушаю,
Говори, воркуй!
Ласковой голубушкой
Голубя целуй!

Говори признания,
Нежные слова.
Мы – непостоянные,
Словно трын-трава.

Зря цветёшь, склоняешься
Над лицом моим.
Зря поёшь, стараешься –
Я другой любим.

***

Говорят: смородина поспела.
Мне о том же сердце говорит.
Городом изнеженное тело
По таёжным ссадинам зудит.

Едкий воздух пыльных тротуаров
Вдруг застрянет в горле поперек,
Руки сами с непонятным жаром
Теребят прожженный вещмешок.

Поскорее к черту на кулички
Ждёт меня, аукает тайга!
Шевелись быстрее, электричка!
Ягода-смородина сладка!

ГОРОДСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Место лобное, место живое.
Ели – вьюжные дочери гор.
В голубой экзотической хвое –
Золотой да рубиновый сор.

Шторы-жалюзи горницы светлой
Распахну на державный фасад,
Где ярится качаемый ветром
Не чужой и не кровный штандарт.

Будет память высвечивать долго
Всё былое... Гадать о былом
Буду я дилетантским умом:
Отчего гоношит барахолка
Под его путеводным крылом?..

***

Дочери

Сосны тёплые,
Бор и задумчив, и светел.
Столько хрустких тропинок
Исхожено в нём!
Здесь росли-подрастали
И выросли дети,
Под его добродушным
Зелёным шатром.

Поседел зверобой.
Сыплет цвет кровохлёбка.
Кружевной паутиной
Одеты кусты.
Оглянись и простишь
С грибно-ягодной тропкой,
Ведь последнее лето
В этом лагере ты.

От лесистых холмов
Салаирского кряжа
Столбовые дороги
Российской земли,
То лихою бедой,
То мечтой будоража
Сорванцов-удальцов
Навсегда увели.

Стар отеческий дом,
Сам я тоже не вечен,

Реже в робкую душу
Стучатся стихи.
«К покаянью!» – сзывает
Вечернее вече,
Только мне не понять:
За какие такие грехи?

Словно режет песок
Легковерные очи шахтёра,
Не могу проморгаться,
Не видно ни зги.
Свет отцовской избы
В дебрях старого бора,
Как божественный дар,
Сохрани, сбереги!

***

Заблажила пурга, заблажила,
Белым тралом весь лес обложила,
И в каком-то немом исступленьи
Пихты мечутся, словно тюлени.

Буровая судёнышком утлым
Захлебнулась и тонет как будто.
А на мачте огни верховые
Шлют кому-то свои позывные.

В штормовую авральную пору
Нам опять восходить по опорам
И промёрзшие штанги ворочать,
Соответствовать званию «рабочий».

Заблажила пурга, заблажила...

ЗЕМНАЯ НОША

Вдрызг расхристанный бездорожьем,
Спотыкаясь и падая ниц,
Оголтелый я атеист,
Замерзая, кричу: «О, Боже!

Мне, пожалуй, и здесь резон.
Взбаламуть-ка пургу-порошу.
Забирая земную ношу,
Ниспошли Ты мне вечный сон!..»

.....

Влага горькая горло жжёт.
Кто-то сверху глаголом будит:
«Что разлётся-то, идиот!
Твой возок Я тащить не буду!»

ЗИМА

Преклоняю робко я колени,
Видя чудо-россыпь серебра.
Северные белые олени
Ночевали нынче у Днепра.

Очарован утром первозданья,
Днепр остановился в берегах.
Красоту полярного сиянья
Принесли олени на рогах.

Рано поднялось, умчалось стадо,
Убелив дыханием холмы
И земле украинской в награду
Подарив сокровища зимы.

Преклоняю робко я колени –
Хороша природа, хороша!
Скачут к югу белые олени,
Вихрями морозными дыша.

***

Иду проворно, ветер в грудь,
Распахнутую настежь.
Навстречу мне дома бегут,
Дома кулацкой масти.

На свежеиспечённый сруб
Четыре жлоба через пуп
Вздымают балку-матицу,
Подымут и... попятятся.

Хозяин, сволочной мужик,
Мне: «Подсоби, милейший!»
Я стукнул пальцем о кадык:
Мол, помогу, конечно.

Я в этом деле знаю толк:
Хозяина – под комелёк,
Кто слабый – под вершину,
Кто хитрый – в середину.

И получаса не прошло,
Ложится матица в седло.
Отныне и до веку –
Опора человеку!

«Ну, что ж, милейший,
Будь здоров!» –
И десять медных пятак
Он подаёт рукою,

Мохнатою такою.
Чтоб в доме множилось добро,
Кладут под матку серебро.
А медь?

Я брошу медь в могилу
Твою, хозяин милый.

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

Крылечко. Дверь. Тяжёлая щеколда.
Изба – другим хороминам под стать...
И я вхожу, задрипанный, но гордый,
Обученный премудрости читать.

Дощатые скупые этажерки,
А мир на них – таинственно большой.
Там шепчутся девчонки-пионерки,
Которым я завидую ещё.

И тишина. Знакомый мне мужчина...
Да это ж будоражащий село
Отпетый враль, безбожник, матерщинник
Глядит на книги трезво и светло.

Держа в ладонях книжицу, как птицу,
Читает, как молитвенник, её,
А завтра он в такую небылицу
Сюжеты книг бабёнкам переверёт.

Покуда я об этом не узнаю,
Интриги мне неведомы пока.
Я в чистом поле тихо поджидаю
Шального, удалого Горбунка.

Когда всё это было, в кои веки?
В лихую Лету кануло село.
Но до сих пор в любой библиотеке
Смотрю на книги трезво и светло.

***

– Как! Вы не были в Барселоне?
Кто таков Сальвадор Дали?
В захолустном ручье Тайдоне –
Шелкоперые пескари.

– Три часа из столицы лёту –
И встречает уматный пляж.
Через три проползу болота,
Как мыслитель, нырну в шалаш.

– Всюду гений великих зодчих:
Город строился на века.
А в тайге золотой песочек
Перекатывает река.

– Обалденно живёт Европа –
Так не снилось на Руси.
– Слушай, Стёпа,
довольно трёпа,
На, огурчиком закуси.

* * *

Какое счастье – матушка жива!
Разбитым носом спрятаться в подоле,
На миг забыть мальчишеское горе
И слушать, слушать нежные слова:
– Ну, что, сынок, пострел мой, пострелёнок?
Не надо плакать, горе не беда.
Обидчик станет другом навсегда,
Лишь подрасти да наберись силёнок.

Какое счастье – матушка жива!
Вернуться в дом лихим военным франтом
С янтарными нашивками сержанта,
Шептать и слушать нежные слова:
– О, матушка!
– А ты совсем большой!
– Ты, милая немножко постарела.
– А я тебе невесту присмотрела,
Девчонка настоящая, с душой.

Какое счастье – матушка жива!
Издалека в родимый дом вернуться,
Припасть к земле, слезами захлебнуться
Шептать, шептать заветные слова...
Молчит, молчит, могильная трава.

КАМЕННЫЙ ЛОСЬ

Опушка. Бархат ковыля.
Крапчатый кустик краснотала...
Какая сила приковала
К чугунным плитам пьедестала
Сибирского богатыря?

На двух стремительных ногах
Вздыбился у лесной тропинки,
И столько мужества в горбинке,
И столько ярости в очах!

Но страх в затылок не кольнёт,
Восторг в душе не отзовется,
Когда какой-то идиот
На крупе каменном смеётся.

Я лишь злорадствую: «Да, да!
Мои богатыри лесные
Себе на шеи броневые
Сесть не позволят никогда!»

КЕРЖАКИ

Седобороды, но крепки
И в каждом деле
Люди спорые.
Меня крестили кержаки,
Как им велел обычай –
В проруби.
О дикий пращурский обряд!
Души невинной омовенье.
А я, признаться, даже рад
Сему спартанскому крещению.
Идти распахнутым в мороз,
Пурге отчаянной не кланяться,
В любой беде не ведать слёз,
В работе никогда не стариться.
Коль совесть будет нечиста
И сердце обольётся злобою,
Вернусь в родимые места
И снова искупаюсь в проруби.

КИНО ИЗ ДЕТСТВА

Нас каждого горе лихое
Ночами мучительно жгло,
Когда взбудоражила «Зоя»
Сибирское наше село.

Я помню суровые взгляды
И скорбь заострившихся лиц,
Как будто с околицей рядом
Фашистские мины рвались.

Антихристы! – бабы ревели,
Стонали – зверьё! – мужики,
Когда бездыханное тело
Клеймили чужие штыки.

Я плакал от боли и злобы,
Сжимая руками скамью,
Как будто вели по сугробам
Родную сестрёнку мою.

В деревне в ту ночь до рассвета
В домах не гасили огней.
И долго я чувствовал петлю
На тоненькой шее своей.

КЛЕСТЫ

Рыл я корни своей родословной
Под наносами разных родов...
Угощается в кроне еловой
Дружелюбная стая клестов.

Их давно я не видывал что-то,
Обходя эти горы окрест,
Всё работа, работа, работа,
Перемена извечная мест...

В клюве мёрзлый орешек расколот,
Словно в маленьких дивных тисках,
Нипочём им арктический холод,
Прокалённым на стылых ветрах.

Лиходеет январская стужа
Уж которые сутки подряд.
Лес безмолвный однако разбужен
Утверждающим криком клестят.

На других непохожие птицы
Этой жизнью суровой своей...
Плакать что ли мне иль гордиться
Вот такой «родословной» моей?

* * *

Ко мне обращались туркмены,
На южном своём лопоча,
Увидев приметные гены
В обличье моём басмача.

Как будто мой пращур угрюмый
Всю жизнь караваны водил,
Как будто бы зной Каракумов
Всю жизнь мою кожу дубил.

Я в землю смотрел виновато,
Плечами растерянно жал,
Как будто язык азиата
Я в белых снегах растерял.

Корана священное слово
Не гнуло как будто бы ниц,
И чужды мне запахи плова,
И вкус молока кобылиц.

Сверкали глаза аксакала,
Готовы до ниточки сжечь:
— О небо, ты отпрыск шакала,
Забывший родимую речь!

Потом он как будто бы понял,
Что предки его — не мои.
Побрёл, опираясь на посох,
Как песенник Махтумкули.

Всё гены, коварные гены
Далёких-далёких времён
Татаро-хазарского плена
Российских улыбчивых жён.

***

Когда устанут языки лихие
От жвачки суесловия? Когда
Мы вспомним наши руки золотые
И радость вдохновенного труда?

Когда, когда? Я тоже суесловлю,
В моих словах то злоба, то смешок...
А девочка с восторженной любовью
Вздывает к струнам трепетный смычок.

И таинство чарующего звука
Сейчас на землю грешную сойдёт,
И грязный бомж покажется из люка
И вдруг по-человечески замрёт.

Когда, когда я встану спозаранку,
Поняв предназначение своё,
Поправлю нежно лезвие рубанка
И топора стальное лезвиё?

И столько дел бесхитростных нахлынет,
И столько непредвиденных забот!
И так, покуда сердце не остынет,
Дел на моей земле невпроворот.

* * *

Коль вздохнёт под тобою земля,
На окне всколыхнутся шторы,
Не волнуйся, родная моя,
Под землёй говорят шахтёры.

Им приходится в тёмных мирах
С подземельной упрямой свитой
Разговаривать на матерках,
Подкрепляя речь аммонитом.

* * *

Королевские харчи,
Президентская карьера...
Скороходы-кирзачи
Сорок пятого размера!

Хочешь – топай, хочешь – стой.
Не похвалит, не осудит
Старший мастер буровой –
Он за сорок вёрст отсюда.

И за сорок вёрст жена.
Верно, думает, что дура,
Коли вышла за помбура –
Всё одна, одна, одна,
А на улице весна!

А на улице весна!
Мчатся вешние потоки,
Бьют живительные соки
В тополях, в берёзах, в нас.

Гомон призраков лесных
Всласть смакуй и вдоволь слушай,
Претенденток никаких
На мою бродяжку душу.

Тонут в лужах кирзачи
Сорок пятого размера.
Президентская карьера,
Королевские харчи!

КУБАЛДА

Здравствуй, речка Кубалда!
Аль не речка – ручеёчек,
Что резвится и хохочет
В голубой простынке льда.

Сосны, старенькие няни,
Шепчут: «Баюшки-баю,
Спи, родная, утром встанешь –
Всё бело в родном краю.
Всё сияет да искрится:
И поляны, и леса.
Потеряет путь лисица,
Чтоб твоей водой умыться,
Очень хитрая лиса».

Здравствуй, речка Кубалда!
Я тебя давненько знаю,
Здесь растёт и процветает
Знаменитая колба.

Я бреду к тебе по снегу,
Как упрямый дикий лось,
Как хозяин, а не гость,
Только что упавший с неба.

Лёд холодный прорублю
И воды напьюсь студёной,
Отчий край тайги зелёный
Я сильнее полюблю.

***

Лесхозовский балок –
Таёжная избушка,
Залётный мужичок
У нас на побегушках.

– Савелий, поднеси!
– Сгоняй-ка по дровишки!
Откуда на Руси
Беспечные людишки?

Он хвалится: в НИИ
Был первым инженером.
Никто ему – ни-ни –
На этот счёт не верит.

И вроде не балбес,
Но и, увы, не пахарь.
А наш сибирский лес
Не бублики, не сахар.

Ненастье да нужда,
И низкая зарплата.
И злобу, как всегда,
Мы сдабриваем матом.

Кто виноватый в том,
Что мы осатанели?..
Идёт на ключ с ведром
Безропотный Савелий.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

За дремучим таёжным бором
Из целительного ключа,
Обрамлённое ореолом
Полудикого пихтача,

Лёгкий вымысел Берендея,
Трудный подвиг богатыря –
Берег правый и берег левый
В ярком пламени сентября.

Я тихонько заброшу уду
В полыхающий жар осин,
Но ловить карасей не буду,
Пусть погреваются караси.

* * *

Лето – жаркая колесница –
На своих грозовых рысях
Прогремело в родных краях
И растаяло, как зарница.

Под окошком, моим оконцем
Разрывался шальной фугас
Пухом тополя, градом, солнцем
И сияньем любимых глаз.

Под елово-пихтовой сенью,
В чаще старых березняков
Беспощадно взрывали землю
Ядра белых боровиков.

Стой, родимая! Мимо, мимо
Тает радужный звон копыт...
Ветер осени – мой зазимок
Скоро в ставенку постучит.

Мой сосед овдовел на девятом десятке.
Все монатки жены распродал, раздарил.
Дом и сад-огород – всё покамест в порядке,
И мужицкие силы дедок сохранил.

– Эх, разъязви-тоска! Вот у туточки гложет! –
Дед при встрече себя в грудь ударит рукой,
– Ведь Настасья меня на семнадцать моложе,
А ушла, погляди-тко, на вечный покой.

Слышь! Приходит ко мне та, что дышит на ладан,
В стариковских покоях не чая души.
Нам бы с нею сойтись, жить бы с миром да с ладом,
Да вот просит она: «Ты мне дом подпиши».

Что за дикая алчность! Не кусок, не краюху,
А крутую начинку от чужого урвать пирога?
Неужели загробное царство старухе
Важный титул воздаст на гроши старика?

– На-тко, выкуси вот! – дед прокуренный палец
В озорную щепоть хочет, силясь, вложить.
– Жись-то, паря, нечо, жись-то славная, паря.
Вроде некуда боле, а хочется жить!

МОЛОДИЛО

На пригорке – соснячок.
У его подножья
Что-то ищет старичок –
Одуванчик божий.

Мелкотравничек густой
На лесной полянке.
Вид у деда городской –
Шортики на лямке.

День-деньской Петровский зной,
Как на сковородке.
Дед в рубашке непростой –
Он в косоворотке.

То привстанет на дыбки,
То присядет скромно,
Поглядит из-под руки
В небосвод огромный.

Голубые небеса,
Очень голубые,
А раскосые глаза
Ох и плутовские!

– Поджимает сенокос –
Звонкая работа.
Мой сынок, молокосос,
Захандрил чего-то.

Чем балбеса проняло,
Где прохолонило?

Вот ищу я про него
Травку-молодило.

Заварить на молоке,
Пропустить стаканчик, –
Объяснил накоротке
Божий одуванчик.

И такой рабочий зуд
Засвербит в печёнке –
На гульбу иди, на труд,
К молодой бабёнке.

Мать-природа в сосняке
Травку породила –
В бородавчатом стручке
Жизненная сила!

«Бородавчатый стручок»,
«Травка-молодило»...
Ой, лукавишь, старичок,
Дедушка Данила!

Сенокосная душа,
Травяное счастье.
Может, сам ты оплошал
Где по женской части?

Из-под шелковых бровей –
Два лукавых глаза:
– У меня всегда «о'кей»,
Не плошал ни разу!

НА ЗАИМКЕ

За косым по легкому зазимку,
И петляя так же, как косой,
Вышли мы на старую заимку,
Вышли на избушку-невидимку
Под густой разлапистой сосной.

Я в кино лишь видывал такую.
В этой глухомани черневой,
Где свирепо ветры атакуют,
Мне казалось, глухари токуют,

А живёт, нисколько не тоскует
Человек совсем не молодой.
Мне казалось: ничего людского.
Нет в избе ни радио, ни книг,

Лишь мычит за стенкою корова.
Над крыльцом пришпилена подкова.
И с поклоном вымолвил два слова:
– Обогрейтесь, милые! – старик.

НА КАВКАЗЕ

Я чачу пью,
Пляшу лезгинку,
Чтоб тонус жизненный поднять.
И молодую кабардинку
Прошу по ручке погадать.
Она сперва сверкнёт глазами,
Потом засмотрится в глаза:
«Шутить изволите? Но с нами
Шутить, как с русскими, нельзя».
Вдруг улыбнулась: «Дайте руку.
Какая крепкая рука.
Не знаю – вроде лесоруба,
Но знаю, что сибиряка».
«Влюбись – шепчу, – в двадцатом веке
Не так уж горцы горячи.
Я буду стряпать чебуреки,
Шашлык уксусить и перчить
И продавать за рупь с полтинкой,
А твой торгует по рублю...»
Вздохнёт печально кабардинка,
Я вздох печальный уловлю.
И отойду от грешной с миром
И буду помнить в тишине,
Что руки, пахнувшие жиром,
Не для неё и не по мне.

НА ПЕРРОНЕ

Сосной смолистой и мазутом
Бетонный пригород разит.
А скоротечная минута
Бездонной вечностью грозит.

Сходясь, путь рельсовый искрится
Единой светлой полосой.
Сомкнутся взгляды, руки, лица,
И лишь горючею слезой
Душа невольно разразится.

Закроет призрачные двери
Какой-то призрак за тобой,
И я останусь суеверным,
Молиться буду: «Боже, мой!
Побереги среди людей
Моих детей, моих детей...»

НА ПОЖАРЕ

Когда пылала эстакада
На грани шахтного ствола,
Душа была как будто рада.
Кошунство это, но была.

Как сумасшедшую скотину
На рёв сородичей, меня
Она гнала в стихию дыма,
В стихию дыма и огня.

Все, паникуя, ждали взрыва
И улепётывали прочь.
Моя душа смогла – счастлива –
Рассудок жалкий превозмочь.

Она, уверенна, спокойна,
Всучила ломик мне в ладонь,
И окатила из брандспойта,
И тело бросила в огонь.

НА ПОКОСЕ

Тело переболело,
Одурь съедена потом.
Здравствуй, новое дело,
Молодая работа!

Сила, матушка-сила,
Рви литовочку, рви,
Ты давно не косила
Августовской травы.

Эх, как хочется сдюжить
Весь покос – до победы,
В грязь лицом не ударить
Перед щупленьким дедом.

Деду под девяносто,
Шутит седенький просто:
– Хожу на покос я,
Ухожу от погоста...

НА ТРИГОПУНКТЕ

Стоит восклицательным знаком
На самой высокой горе,
Идём, мужики-забияки,
К нему по тропинке зверей.

Над золотом пышного леса
Он самый высокий и есть.
И мы, два почтенных балбеса,
Друг другу командуем: лезь!

Ступени истлевшей треноги
Не выдержат белки, кажись,
И всё ж мы восходим, как боги,
Туда, в соколиную высь.

И дух перехватит, а душу
Такой ошарашит восторг...
Что с выкриком вместе наружу
Я самое сердце исторг!

Россия! Ты крепкие нервы
И легкие крылья дала...
И вижу я крапинки в перьях
Парящего рядом орла.

***

Не приехала. Не надо,
Поджидая, тосковать.
Мне под шорох листопада
Хорошо в деревне спать!

Хочешь – ноги на подушку,
Хочешь – голову, сойдёт,
Но зато никто под ушко
Среди ночи не храпнёт.

И никто не скажет слабо:
– Отвернись, косматый чёрт!
На сенном матраце бабам-
Горожанкам дискомфорт.

Сам себе хозяин-барин,
К одиночеству привык.
Но ведь, кажется, я парень,
Но ведь всё-таки мужик!

Ты, Ивановна, давай
На последнем приезжай!

***

Ночами – дождь,
Утрами – изморозь.
И вечерами на скамье
Не подлирают больше изгородь
Старухи сплетней обо мне,
И сам я меньше стал судачить
Про баню, сад, неурожай.
Удача – радуйся удаче,
А горе – не переживай!

***

Обильные, размашистые вьюги
Легли лебяжьим пухом в тополя.
Красивые, улыбчивые друзья
Из чёрных рамок смотрят на меня.

В эпоху знаменитых пятилеток
Из них по праву каждый знаменит.
Забой последний пройден, напоследок
Землёй и снегом ласково укрыт.

Мои друзья, как в раскомандировке,
Сошлись рабочей силой поиграть.
И наплевать друзьям на забастовки,
На власть блатную тоже начихать.

До лампочки и гибнущее втуне
Чахоточное чрево рудников.
Они сошлись, как будто накануне
Собрания былинных горняков.

***

Остерегайтесь разведёнок,
Увы, не лучше первых мы,
Взгляд не широк, и вкус не тонок,
И не практичнее умы.

Мы не слабы, и не всеильны,
И не добрей, и не мудрей.
Ведь мы всё так же инфантильны
В понятиях тещ и матерей.

Остерегайтесь разведёнок –
Перебродившее вино.
Пьянит быстрее нас оно,
Да голова болит спросонок.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ШАХТЁРОВ

Я лежу в саркофаге,
Как бухарский эмир.
Жизни реюший факел
Весь рассыпался вмиг.

Как бухарским эмирам,
Мне оказана честь:
Бальзамирован взрывом
Весь до капельки. Весь.

И вспорхнуть не успела,
И уйти не ушла,
Замурована с телом
Молодая душа.

Газом выжжены очи.
Только я не ослеп.
Сотни тысяч рабочих
Этот строили склеп.

Бриллиантами пота,
Позолотой крови
Подземельные своды
Украшали они.

Пусть родные не ропщут,
Не скулят обо мне,
Что лежат мои мощи
На такой глубине,

Что далёким потомкам
Саркофага не вскрыть.
Лишь в грядущем потоке
Этим косточкам всплыть.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Утром на бетонные панели
Первые снежинки прилетели.
Извиняясь за долгие простои,
Укрывают землю ровным слоем.

Загляделись парни и девчонки
На свою любимую сторонку.
Хороша сторонка в самом деле
В белоснежной белой карусели.

ПЕЧНИК ЯКУНИН

Якунин – мудрый повелитель
Неукротимого огня.
Друзья, соседи! Посмотрите,
Какая печка у меня!

Лукаво мудрствовал с духовкой –
Ни уровня, ни уголка –
Всё на глазок! Взлетает ловко
Руке послушная кирка.

За рядом ряд, за лабиринтом
Ложится новый лабиринт.
Спросил его я: «Возгорится?» –
«Работать будет», – говорит.

Возжёт! И радостные блики
Его окрасили ладонь,
И заработал стоязыйкий
В печи берёзовый огонь!

ПЛАЧ-ГОРА

Я вчера спросил буровика,
Хорошо знакомого с тайгой:
– Эта горка с прядью тальника
Отчего зовётся Плач-горою?

– Мудрствовать лукаво не могу,
Философий тоже не приемлю:
Самоходка траками в логу
Человека затоптала в землю.

Вот и всё, – ответил буровик. –
Наша повседневная работа,
Впрочем, был бесхитростный мужик,
Да себе на горе полоротый.

Выход я из мифа-тупика
Никогда, пожалуй, не открою...
Эта горка с прядью тальника
Пусть себе зовётся Плач-горою.

***

Погожий месяц, день пригожий,
Заря вечерняя красна.
Опять на промысел отхожий
Зовёт, зовёт меня весна.

Там перламутровые песни
Слагает вечный березняк.
Там, кряжу гордому ровесник,
Меня приветствует кержак:

«Варнак! Явился! Хрен ты мамин!»
Так, бородищу теребя,
Мне говорит: «А знаешь, в храме
Дела замёрли без тебя.

Да ты скидай свою котомку,
Инструмент плотницкий поставь.
Аввакумовым потомкам
Ты церковь маковкой возглавь!»

Его бедовая старуха
С порога кланяется мне.
И молодая медовуха
Сейчас взорвётся в лагуне.

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ

Мрачная дорога
На рассвете дня.
Стволовой, немного
Подожди меня.
Подожди, братишка,
В колокол не бей:
Над копровой вышкой
Стая голубей.

* * *

Покидает родное село
Мой дружок работающий, не пьяница.
Завтра к дому контейнер подпятится
И погрузит его барахло.

Ветер странствий надул паруса
И порушил родимое, близкое.
Позабывтая лайка сибирская
За другим уплетётся в леса.

Верно, издавна так на Руси –
Уходить от чумы и засухи
И с гнедой кобылёнкой и заступом
На привольные земли брести.

То ли вечная тяга к добру,
То ли вещая жажда познания:
Голубые покрыть расстояния,
На чужбине прийтись ко двору?

Мне бы тоже оставить село,
Жить на юге под жёлтыми грушами.
Но моих земляков добродушие
Не заменит чужое тепло.

* * *

Порой отчётливо, до боли
Мне память высветит на миг:
Росой унизанное поле
И коростелей переклик,

Слегка дымящуюся пашню
В какой-то розовой дали,
И мной придуманную башню
На стыке неба и земли,

И первый луч, а может, всполох
Ещё холодного луча,
Котомка нищая и посох –
Опора детского плеча,

Росой омытые калоши,
Не знаю стибренные где,
И ветром чубчик мой взъерошен,
И рот голодный перекошен
Молитвой тихой о еде.

ПОХОРОНЫ АВТОРИТЕТА

Маши, помахивай кадилом,
Помпезный батюшка, служи
Над скорбью алчной, и постылой,
И всеми проклятой души.

В толпе единой – вор на воре,
Братки, менты и дум столпы,
И скоморохов пёстрых свора,
И раздобревшие попы.

Не поперхнётся воровская
Всеразвращающая рать:
Ещё и неземного рая
Надел старается урвать.

Стоят они в чаду угара,
Над гробом приторно скорбя.
«Нет, смерть твоя есть Божья кара», –
Так утешаю я себя...

* * *

Работу любую не хаю,
Работа любая – не зря.
Шахтёрка моя полыхает,
Как яркий наряд снегиря.

Осколком горячего лета,
Горячим его лоскутом
Порода пурпурного цвета
Вдруг вышла в забое моём.

Давно прошлогодние травы
Сокрыл ослепительный снег,
А я из рассечки кровавый
К биндюжке печатаю след.

Мне скажут: «Безрудное тело,
Ущербные эти места.
Здесь нечего, нечего делать,
Порода, как бочка, пуста».

Но что-то под ложечкой гложет,
И душу мне думы гнетут,
Как будто бы я растревожил
Земли кровеносный сосуд...

САЛАИР

Городок на крутых холмах,
На семи продувных ветрах,
Словно белый большой фрегат,
Поднялся над таёжной чернью.
Алой зорькой копры горят
В зорьке утренней и вечерней.

В каждой сопке хранится миф
Невоспетых сибирских Фив.
Он судьбою своей сродни
Жизни славного Прометея.
Он в Кузбассе зажёт огни,
Плавку первую он затеял.

Ты поведай, старинный тракт,
Буйство бедных, богатых страх.
Клокотавшая в жилах предков
Та ли удаль в моей крови?
А в глазах у моей соседки
Та ли нежность и жар любви?

Тракт старинный и глух, и нем,
Он бурьяном зарос совсем.
Ветер соснам шиньоны чешет –
Сказки те же, и люди те же.

СВЕЖЕНИНА

В деревне режут поросят,
Как сто и двести лет назад.
Душок подпаленной щетины
Витают в поле за версту,
И я, пожалуй, заверну
На сытный запах свеженины.

Застолье. Царственно дыша,
Над всеми властвует жаркое.
Хозяйка – добрая душа –
Нальёт вина и успокоит.

Хозяин – тоже не злослов.
Всё в доме есть – плоды и злаки.
И в ожидании мослов
Задорно тьякают собаки!

СИРЕНЫ

О, как пронзительны сирены
Горноспасательных взводов,
Когда восток слегка сереет,
А на столе в цветках сирени
Остывший ужин горняков.

Машины с красными крестами,
Кому вещаете беду?..
Жена с постели тихо встанет
И молча приберёт еду.

Давно забытые молитвы
Опять сегодня вспомнит мать
И сыновей, как с поля битвы,
Из шахты будет поджидать.

***

Снова лёгкий месяц родился
Кончиком лукавым язычка,
Он слегка проклюнулся пока
И ещё ничем не возгордился.

Я не знаю, как его заметил:
Никаких негаданных чудес
Я не ждал, как праведник, с небес
На вечере двух тысячелетий.

И приданьям светлым вопреки
Никаких не загадал желаний.
Я не умираю от тоски,
От людских и божьих наказаний.

Как блаженный, радуюсь немного
Спутнику извечному Земли.
Подмигну – и в дальнюю дорогу
Я беру его в поводыри.

СОБАКА

На площадке делёжка сфер:
Два бомжа затевают драку.
Мне знакомый пенсионер
Выгуливает собаку.

Выносит во двор и с тяжёлых рук
Бережно опускает.
И тотчас же образует круг
Бродячих собачек стая.

Тянется умной мордой своей
К таксе, болонке, догу.
Кто-то лизнёт, а кто-то над ней
Вздёрнет брезгливо ногу.

Жидкости ядовитая ржа
Мимо прольётся.
И забунтует собачья душа,
И содрогнётся.

Тут же собака взъерошит мех
Жилистого загривка,
Тут же собака облает всех,
Станет урчать и фыркать.

Лаем своим напугает кота
До окаянной дрожи...
Но у собаки такая беда:
Собака ходить не может.

СОСТАВ

Мчатся яростные кони,
Тяжело храпя во мгле.
Бьют чугунные подковы
По окованной земле.

Друг за другом дробной рысью.
Эх! Отчаянная рысь!
В темноте с морозной высью
Гривы чёрные сплелись.

Клубы пара, пыли клубы
От горячих лошадей.
И кричат надсадно трубы
Над округою моей.

Я стою замороженный,
Быль за сказку восприняв,
Вижу снегом обелённый,
В зиму мчащийся состав.

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковь старая –
Старая дева,
Эмигрантка в родной стороне.
В забвении обветшавшее тело,
И душа в летаргическом сне.
Ты ль не дочь златоглавого Суздаля?
Не сестра ли церквей Покрова?
Раболепие лапотной удали
И невиданный взлёт мастерства...
Вся краса твоя холодом скована,
И распяты на белой груди.
И рудничный гудок, словно колокол,
Над землёй Салаира гудит.

СТАРИННЫЙ ТРАКТ

Старинный тракт, бревенчатые гати
На жирном теле вековых болот.
То вербный куст пыльцой меня окатит,
И на рубашке высветится мёд.

То пучка сочная мне кулачком соцветья
С крутой обочины лукаво погрозит...
О былях-небылях минувшего столетья
Могучий кедр шумит себе, шумит.

Прислушаюсь – и вроде понимаю.
Всмотрюсь в дорогу – вижу наяву:
Летит, летит кибитка удалая
С задорным колокольчиком Валдая,
Сминая придорожную траву.

Сверну в густую чащу тальников
И на мгновенье задержу дыханье:
В чахоточное чрево рудников
Кибитка мчит великое посланье.

Былинные мечтатели прочтут,
Воспрянет «дум высокое стремленье».
А мне «во глубине сибирских руд»
Пошли, о Боже, гордое терпенье.

СТАРЫЙ ПЛОТНИК

Он приходит сюда
По какой-то неведомой тяге
И часами, как мальчик,
Стоит у витрин.
Он давно изучил
В нашем сельском хозмаге
Ширпотребную утварь,
Этот странный старик.
Он берёт оселок
И шершавую каменной плотью
По шершавой щеке
Сам себе проведёт.
Он берёт долото
И, забывчивый плотник,
Остриё долота
Языком по старинке лизнёт.
Он тисочки возьмёт,
Он подержит электрофуганок:
– Лепота, лепота! –
Покачает седой головой.
– Сколько светлых домов,
Теремов несказанных
На родимой земле
Не построено мной!
Он приходит сюда,
Как к любимой своей на свиданье,
Будоражит его
Изобильная явь.
Что для всех – ширпотреб,
Для него состоянье...
Не гони, продавец,
Старику эту радость оставь!

УБИЛИ ДЯТЛА

Расстреляли его спозаранку
Среди старых задумчивых пихт,
И затихла лесная морзянка,
Не окончив своих позывных.

Расстреляли картечью в упор
Ради шуток, забавы и смеха.
В лабиринте заснеженных гор
Гулко билось тревожное эхо.

И откуда на эту полянку
Забрела кровожадная злость?
Люди, слышите: в роще морзянка
Выбивает призывное SOS?!

***

Узором ветки, упавшей в снег,
На лбу упрямо пролегла морщина.
Теченьем торопливых горных рек
Промчалась юность – я уже мужчина.

Промчалась юность. Жаль её и нет.
В глубоком русле стало несвободней.
Течёт река из тех же юных лет –
Зато мощней и полноводней.

УТРО

Заря рассыпалась клубникой
По недоношенному полю.
Попробуй с чем-нибудь сравни-ка
Вдруг озарённое раздолье.

Я к солнцу мчусь по бездорожью,
Поёт стремительная «Ява»,
Роса обрызгивает дрожью,
А солнце щурится лукаво.

Плывёт рассвет грачиным граем
И песней тракторной в посёлке.
Вспорхнуть бы мне над отчим краем
Напевом птичьим ненадолго.

Пропеть какое-то мгновенье,
Но так пропеть, чтоб в серых буднях
Горячей строчки вдохновенье
Допелось звонкой песней в людях.

* * *

Снежные кристаллики
Мерцают на горе.
Я бегу, как маленький,
К нашей детворе.

Сани быстроскрылые
Да глубокий снег.
Дайте, дети милые,
Прокатиться мне!

Дайте, беспечальные,
Радости чуть-чуть,
Дайте годы давние
На часок вернуть.

Шепелявит маленький:
– Не дадим, не жди,
Ты большущий, дяденька,
С горки уходи!

***

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Годами выжженные склоны.
Рудой гружённые вагоны
Из шахты медленно ползут.

Осенним воздухом дыша,
Я там искал уединенья.
Вдруг окровавилась душа
От справедливого сравненья:

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Рудой гружённые составы.
И в шахту, словно в пасть удава,
Шахтёры медленно идут.

ЧЕГЕМСКИЙ ВОДОПАД

Может, быть, а может, небыль,
Очаровывая взгляд,
С самого, наверно, с неба,
Льёт Чегемский водопад!

Сотни струй и радуг сотни,
Всюду зелень в блёстках роз.
Из ночного неба соткан
Отшлифованный утёс.

И скользят, как свёрла, воды,
Камни грубые дробя.
Словно здесь сама Природа
Совершенствует себя.

ЧЕРЁМУХА

Отсеяли поздние грозы
Озимые ливни свои.
Черёмуха спелые гроздья
Склонила до самой земли.

Щадя её хрупкие корни
И гибкие ветви храня,
Мы шурф чуть поодаль, под горкой,
В породе сырой и прогорклой,
Как роботы, рыли три дня.

Мы сладкую ягоду ели,
Чернявя здоровые рты,
Слетались сюда свиристели,
Здесь часто кормились дрозды.

И выводок рябчиков тучных
Нас посвистом смелым дразнил.
И вроде работалось лучше,
И вроде прибавилось сил.

ШАХТЁРСКАЯ «ИДИЛЛИЯ»

Я сегодня в каком-то ударе
В восстающих забоях своих:
Словно пахарь на поднятом паре,
Нормы выпахал за двоих.

Мне хотелось цветов и оваций
За весёлый, восторженный труд
Или к солнышку просто подняться
Раньше всех на пятнадцать минут.

Капли грязные падали с каски
И за шиворот жгуче текли.
Мне хотелось не приторной ласки,
Нежной ласки вечерней земли.

Громыкает во штреке центральном
Столбового хозяина рык.
Обругал и лишил премиальных
Новорусский упитанный бык.

И грозит эта сытая морда,
Что расправится с нами легко.
Для чего проводилась реформа? —
Понимаю под вопли его...

Заработанных потом и кровью
Мне своих премиальных не жаль.
Знаю, солнышко встретит с любовью,
Знаю, ветер развеет печаль.

***

Эх! Ударили звонкие струны
Лыжных тропок и санных дорог.
И качусь я, взвихряя буруны,
К перекрёстку любви и тревог.

Ноги в юность торопятся сами.
А на первой таёжной версте –
Пень кедровый в заснеженном саване
И берёзка-невеста в фате.

Всю деревню мою забуранило,
На крыльце нет знакомых следов.
Что когда-то бодрило и ранило,
Дремлет в замятии белых снегов.

Знаю, скажет мне гордая самая:
Никогда не ждала и не жду...
Скину с кедра заснеженный саван,
На берёзке оставлю фату.

ЭХ, МА!

Стариковское это «Эх, ма!»
Мне в наследство досталось как сыну.
Мы недавно рубили дома,
А теперь я ему – домовину.

Раскрою на груди верстака,
По своим габаритам прикину
Припасённые в кои века
Из могучего кедра тесины.

Брызнет дерево запахом смол,
Обнажённая летопись брызнет.
В домовину войдёт новосёл
От сумятицы нынешней жизни.

Жми, рубаночек, стружку сымай,
Совершай благородное дело...
Отлюбило навеки, эх, ма!
Эту жизнь его грешное тело.

***

Я не знаю другого ландшафта,
Чтоб увидел – и горе с плеч.
Шахта, шахта! Родная шахта!
Чем могла ты меня завлечь?

Террикон огоньком манящим
Среди чёрной сияет тьмы,
Словно бы на вулкан дымящий
По нему восходили мы.

Восходя на седьмое небо,
Крылья чуяли за спиной.
Всё! Я в небе ни разу не был,
Навсегда улетев в забой.

Где бы якорь мне свой ни кинуть,
Где бы свой ни оставить след,
Опрокидываются скипы
Дивной музыкой юных лет.

***

Я строю домик в Салаире –
Венец к венцу, венец к венцу,
Чтоб люди к моему дворцу
Мечтать о жизни приходили.

Рубанком дедовским строгаю,
Не зная сна, не зная сна...
Переживёт меня сосна,
В резных наличниках сверкая.

Бужу своим рабочим стуком
И сон людей, и птичий звон...
Ведь каждый человек рождён,
Чтоб светлый дом оставить внукам!

***

Я холю дом в реликтовом бору,
Надежду глупую в душе забавно холю.
Не взятое от жизни – доберу,
Не отданное – выпущу на волю.

Я в этой жизни сам себе с усам:
Нет претенденток – я не претендую
На кошелёк, на милых сердцу дам,
Знай пью себе водичку ключевую.

Через лужайку звонкая тропа
Бежит к ручью – извечному движенью.
Душа моя, однако, не слаба
К большой любви и жертвоприношенью.

Я кланяюсь покамест топору,
Как мудрому языческому деду.
Я холю дом в реликтовом бору
И никуда отсюда не уеду.

ИРОДОВ ЛОГ

Я хожу по дорожкам
Нарезанным в дождь
Но я не знаю, куда
Нам идти дальше

ПОД ВОДОЙ

Наша жизнь
Тысячу лет

Сидит в воде
Тысячу лет

Кольцо из камней

Я не знаю
Куда идти дальше
Я стою дома и думаю
И никуда стою не уеду

АВВА

Итожа выдумки свои
В застенках старого сарая,
Присел на краешек скамьи,
Прощально утварь озирая.

Я к деревеньке не привык
И уношу скорее ноги...
Опять юродивый старик
Возникнет молча на пороге.

Как невидимка-пилигрим,
Порхает невесомо тело...
Я буду цацкаться, а с ним
Ужо вожжаться надоело,

Но в эту утреннюю рань
Привечу нищего калеку
И скупю искреннюю дань
Воздам седому человеку,

Что не разгадан до конца,
Не уловимо то мгновенье
Когда морщинками лица
Лукавит божье откровенье.

АЛЬБИНОС

Слезятся стариковские глаза:
Оттаял притаёжный околоток.
На всю урёму птичьи голоса –
Во всю-то мощь своих мажорных глоток.

Ещё лихую зиму перенёс,
Ни перед кем не преклонил колени.
Кружит в зените коршун-альбинос,
Блистая экзотичным опереньем.

В родном краю он также бобылём
Облюбовал сиротское жилище.
Полёвку-мышь заметит под кустом
И ринется стремительно и хищно.

***

Будто гром разорвавшейся бомбы
Оглушил половину села:
Валентина Лукьяновна бомжа
В дом большой церемонно ввела.

В печь его вековые лохмотья
И кудлато-блхастую грязь,
Над вонючей прокуренной плотью
Русским веником лихо прошлась.

Приготовила загодя ужин
В забытьи не забыв ничего
На хрустящие простыни мужа
Может быть, положила его.

Может быть, не стоял я со свечкой.
Но когда воссияла заря,
Потянулась она на крылечке,
Потянувшись, сказала: «Не зря».

***

В безмолвии белом молва
Синицами тренькает гордо
О том, что осталась жива
Зверей молодая когорта.

Весна оголила бока
Сибирским простуженным сопкам,
И волки на зов вожака
Бредут по извилистым тропкам.

Голодные, злые, пока
Безропотно терпят друг друга,
И вроде последняя выюга,
А сытая жизнь далека.

В КУЛАЕВКЕ

Михаилу Сажину

Утрами в распутице вешней
В околице тихой сельца
Тревожит худую скворечню
Заморская ода скворца.

Не смолкнет пернатая память
И, новые песни верша,
Всё так же кружит над полями,
Как русская наша душа.

Ютится в берёзовой кроне,
Юркнёт в нежилую повесть,
Берёзам просвищет, а кроме
Задумчивых некому петь.

Присядет на кровле скворечни
Когда-то родного гнезда
И канет в распутице вешней
Невесть и незнамо куда.

В ТАЁЖНОЙ ИЗБЕ

Игра не стоит свеч:
Дороги замело,
Чтоб осчастливить печь,
Ей распалю нутро.

Брависсимо, топчан!
Свернувшись калачом,
Я грезить по ночам
Не буду ни о чём.

Ни пороха, ни пуль:
Я праведник в тайге,
Лишь несколько «буль-буль»
В дорожном рюкзаке.

Да чистая тетрадь,
Да вечное перо,
Да, чтоб стихи писать,
Я распалю нутро.

***

В умирающем городке
На корню засыхают злаки,
На асфальтовом пяточке
Попрошайничают собаки.

На карнизах подтёки краски
Обесцвечены жизнью сей,
Строить рожицы, строить глазки
Там учили своих детей.

В хаотическом беспорядке
Утварь, брошенная в кусты,
И крапивой тучнеют грядки,
Где вольготно цвели цветы.

* * *

В чистой пойме душистого лога
Семя-деревце выкопал я
И в столице бетона и смога,
В катаклизмы житья-бытия
Посадил его – не захирело,
Утверждающе вскинуло ветвь.
Сердце долго и тяжело скорбело,
Сердцу долго и тяжело скорбеть:
Не отравит ли смрадом дорога?
Нет. Красивое тянется вверх,
Благодатью душистого лога
И чарует, и радует всех!

В ШАХТЁРСКОЙ БАНЕ

– Манька! Глянь-ка! По-моему, тать,
Подбоченясь, стоит на пороге...
Девки-бабы, туды вашу мать,
Кто сегодня мне вымоет ноги?!

Он идёт плотоядным прыщом
И своей мелкотою гордится,
Кошка ловко играет с мышом
В худосочных его ягодицах.

На груди его храм, купола
Под коростою угольной пыли,
Что за сила его привела
На шахтёрские копи Сибири.

По-простецкому, кажется, прост,
Никогда незнававший печали,
Дважды удаль и маленький рост
Из завала его выручали.

Подыграет Марейка: «Пойдём,
Не таковских я видела, парень,
На мыша твоего кипятком
Я сперва понарошку ошпарю».

* * *

Вдохновенное бремя тоски
Засвербит о промчавшемся лете:
Расплетают жучки-паучки
Тонкорунные чуткие сети.

Мне чарует задумчивый взгляд
Поздних бабочек лёгкая стая...
Паутинки летят и летят,
Как росинки, на солнце мерцают.

ГОРНОСПАСАТЕЛИ

Под землёй бушевала стихия,
У себя на большой глубине
Клокотала, и нам не впервые
Быть, работать и выжить в огне.

Никого не клеймили проклятьем
Уходящие в тартарары...
Вы простите, любимые братья,
Если вас называли жмуры.

За чужие грехи беспокоясь,
В этом мире вселенского зла
Лишь одна христианская совесть
Нас по огненным штрекам вела.

Ничего не страшась и с опаской:
Никуда не уйти от судьбы.
От того лишь не плавилась каски,
Что мокрущими были чубы.

И вошли мои верные друзья
В этот самый кромешный бедлам,
И уже обгоревшие трупы
Удалось как-то вызволить нам.

Осторожно, к ступеньке ступенька
За оскал неминуемой беды,
Вдруг в крутой вертикали гезенка
Нас настигла стихия воды.

Мокрый волос взъерошивал дыбом
В мозг и в душу вползающий страх,

И, казалось, отравленный дымом
Смоет к чёртовой матери прах.

Водопада бурлящая кипень,
И нельзя возвратиться назад,
Из погибели снова погибель,
Из чистилища адского в ад.

Но какая-то крёстная сила
Или, может, молитвы святых
Православные трупы омыли
И опять окрестили в живых.

ЕГОРКА

Изба полна разумных пьяниц,
Причина веская тому –
Егорка обморозил палец .
В своём прокуренном дому.

Кто пузырьём, кто состраданьем
Пришел восславить крепыша,
Блистала гордым состояньем
Его татарская душа.

Другому чёрная гангрена
Оттяпала бы полруки –
Сибирскому аборигену
Господни страсти – пустяки.

С утра вострил Егорка лыжи
Туда, где курочка снеслась,
Достал в мазуте пассатижи
И по больному пальцу – хрясь.

Обрубок-перст воздел, как пряник,
Язык при этом прикусил,
Затем открыл волшебный краник,
Свою культяпку обмочил.

ЗА КОЛБОЙ

Скинув с плеч инструмент шанцевый
На обочину тропы,
Разбредясь, по лесу шастаем
За горчинкою колбы.

«Рафаэлло» наше русское,
Чеснока здоровый смак,
Раззуди-ка нас закускою
Под стоградусный первак.

Есть ещё сальцо в загашнике,
Да копчёное притом.
Мы в лесу с глухими чащами
Живы будем – не помрём!

***

Алексею Грицаю

Закружила мечта оглашенная...
На ступеньках родного крыльца
Он прощался. Улыбка блаженная
Целый день не сходила с лица.

Закружила сибирского молодца,
Будто бы на торжественный бал
Дух мятежный мятежного Моцарта
Одарённых мальчишек сзывал.

Дальней далью душа очарована,
И на сердце легко и светло,
Там в ладони жар-птица Бетховена
Обронит ненароком перо.

Распахнут и друзья-сотоварищи
Дару божьему божий талант,
Растерзают безумные клавиши
Разухабистый русский баян.

И таинственный лик Богоматери
Снизойдёт на великий собор.
В озарённой Европе на паперти
Это будет последний аккорд.

* * *

Интуиция бедна,
А фантазия убога:
Мне счастливая дорога
Дальше отчего порога
Не слышна и не видна.

То ли мне изобразить
Благоверного скитальца
И высасывать из пальца
С тенью божьего страдальца
Нас связующую нить.

Но фантазия бедна,
Интуиция убога...
Мне красивая от бога
Сила добрая дана.

Из закута – топорок,
И рубанок из закута.
И... счастливая минута
В мой заглянет закуток.

ИРОДОВ ЛОГ

В передрыге российских дорог,
В несуразном быту несусвета
Всё мне видится Иродов лог
В суматохе сумбурного лета.

И опять я в таёжном краю
В ипостаси нелепой – пришелец
Бедолагой-лопатой граню
Поисковое чрево траншеи.

Мать-землица утробно вздохнёт,
Угадав справедливость кручины,
Что копаю я сад-огород
Староверческой нашей общины.

Осенив двоеперстием лоб,
Мать родная от ветхой избушки
Проводила за Иродов лог
С полотняной сумой побирушки.

Благодатно рябина цвела,
Благодатью вселенской согрета.
И... сгорела деревня дотла
В суматохе сумбурного лета.

***

Как по зёрнышку – жито,
Как по брёвнышку – дом,
Крепкой нитью прошито
И мудрёным жгутом
Перехвачено напрочь,
Не порвать ни за что,
И милуется на ночь,
И зовётся гнездо.

КРАПИВКА

Никакого крапивного зуда,
Неприятного жжения нет,
А струится, сопутствуя всюду,
Кандыково-сиреневый свет.

Бережливая память-копилка
Снова высветит кадр золотой:
Позабытая богом крапивка,
И девчонка, и я молодой.

– Открутилась ядрёная гайка, –
Подкузьмит легкомысленно друг, –
Изменяет красавица Тайка?
Ну и что ж, коли мне недосуг.

Заструится, сопутствуя всюду,
Кандыково-сиреневый свет...
Всё приемлю и всё позабуду
И прощаю за давностью лет.

«ЛАДА»

Разудалая «Лада» –
Российская прыть.
Озорная бравада –
Опрометчивым слыть.

Столько сильных созвучий
Молодецкой душе.
Я, как демон, везучий
На любом вираже.

Быть беспечно-счастливым
За баранкой-рулём...
Не разграблена нива
Столичным ворьём.

Обретаю свободу,
Подымаюсь с колен:
Крепко верит народу
Президент-манекен.

Верит в русские слёзы
Жидовская власть...
Ну, родимая, трогай,
Понеси! Понеслась.

***

Мать и мачеха-зима
Неожиданно и жданно
Засыпает закрома
Снегом белым и желанным.

Суматошная, пришла
Ходом вкрадчивым и властным,
И не скажешь ей со зла:
Убирайся восвояси.

Можешь, право, пороптать:
Не даёшь прибраться в поле,
А на рожицы ребят
Посмотри и... будь доволен.

***

Милый сердцу угол
В непочатом крае
Приложил я руки,
Топорком играя,

Приложил я мысли
К деревьям замшелым,
Стали срубом чистым,
Теремочком белым.

И делов-то вроде
Так себе в новинку,
Распочну колодец
И к нему тропинку.

***

Мне бы выстроить храм
На таёжной елани:
Нараспашку ветрам
И звериным желаньям,
И потугам людским –
Человеком остаться,
Чтоб от чёрной тоски
На суку не болтаться.

Чтоб росли купола –
Кедру старому вровень,
Чтоб молитва плыла
Мне по духу и крови,
Чтоб жестокой судьбы
Стёрлись жёсткие грани,
Да мешает мне «бы»
Строить храм на елани.

***

Может, к худу, а может, к добру
Из десятка больных и здоровых
Ни одна не пришлась ко двору
В стариковских тяжёлых хоробах.

В нём проглядывал свет доброты
В равной мере на людях и дома:
Топором не разрубишь жгуты,
Что закручивал он из соломы.

Однолетка его прижилась
Невысокая, тощая Настя,
Повидавшая лиха и счастья
И крутую мужицкую власть.

Зануздала людскую молву
Про вдовца, нелюдима и скрягу, –
Настя в детстве плела бечеву
На воловью и конную тягу.

***

Моя бессмысленная дань
С моей бесхитростной молитвой:
Века пребудет первобытной
Одушевленная елань.

На агрессивную тайгу
Гляжу с восторгом пацифиста:
Она десант парашютистов
Высеивает на лугу.

Ещё аршинные снега
Окутают подлесок ночью,
И на елане свадьба волчья
Отринет вопли жоака.

И нет намёка, боже мой!
На православную деревню,
Что я присел среди деревьев
На чей-то камень гробовой.

МРАССУ

Остепенилась на изгибе,
Сменила вздорный гнев на милость,
И бледно-розовая кипень
Спокойно к берегу прибилась.

Ни водопада, ни порога
Как будто не было в помине,
Я тоже попрошу у бога:
Утихомириться гордыне.

* * *

На корточки присядем у огня
Под куполом прокуренного чума,
Как искорки древесного угля,
Пусть отлетит навязчивая дума.

Как пьяному, чтоб море по колено,
А лужа судьбоносная тем паче,
По чашке чая поднесёт бармен
Без сахара, поклона и без сдачи.

Запечатлеет, вспыхнув, объектив
Всю бутафорию трагического века.
И, свой звериный норов укротив,
Шаман присядет добрым человеком.

Широкий лоб наморщит глубоко
И брови азиатские нахмурит.
Я пожалею: людям нелегко
Играть и лаять в волчьей шкуре.

НА МОГИЛЕ ОТЦА

Ещё задумчиво берёста
Играет с ветром ветровым
И грусть вечернего погоста
Склоняет с именем твоим.

Была ни близко, ни далёко
Твоя судьба к моей судьбе,
Ни дифирамба, ни попрёка
Я не вынашивал тебе.

Не знаю, кто ты, наконец,
И в чём души твоей основа.
Мне слово доброе «отец»
Лишь нарицательное слово.

***

Напрямки, вокруг да около
Не души за сотни вёрст,
У Игната сердце ёкало –
Звал березовый погост.

Пусть меня, а не брательника
Примет первого к себе...
Умидали два отшельника
В перекошенной избе.

Ни во рту росинки маковой,
Ни щепотки на столе,
В одиночку-то никак его
Не придать родной земле.

Он меня бедовой, Санович –
Проводить в последний путь.
Как-нибудь впряжётся в саночки
Закопает как-нибудь.

Добрый снег укроет пологом,
Добрый день прорежет мглу...
И найдут в избе геологи
Два скелета на полу.

***

Не вор и не мошенник,
А счастье так и прёт,
До кривеньких коленей
Животик достаёт.

Приветствую удачу –
Горящую свечу.
Я никогда не плачу
И плакать не хочу.

Заморскую чужую
И нашу болтовню
Умом своим фильтрую
Как сладкое меню.

В одном кармане пусто,
В другом белиберда.
Картошечка с капустой –
Российская еда!

***

Ни кафтан, ни ряса.
И мундира нет.
Не умею басом,
Не люблю фальцет.

Белая рубаха
С чёрным кушаком!
Серенькая птаха
С чистым тенорком!

* * *

Ножи вздымает пилорама
Четвертовать тела берёз...
И нет ни горечи, ни слёз,
Ведь мёртвые не имут сраму.

ОЛЕСЯ

Сырые чёботы развеса
На тальниковой городьбе,
Живёт кудесница Олеся
В просторной лубяной избе.

До славной речки Туганака
По мочажинам, буеракам
Она поспеет в самый раз
На лёгкий хариусный пляс.

Её душа сольётся с шоу –
Одним единственным в году.
Танцора самого большого
Счастливо вздёрнет на уду.

ПАНТОМИМА У РОДИЛЬНОГО ДОМА

Больничный быт немного скрашен,
Наполнен смыслом волевым:
Опять в стремительном чардаше
Гарцует оголтелый мим.

Парнишка свой в топор и в доску,
Хандру тупую – в пух и в прах.
И столько праздничного лоску
В его отчаянных глазах.

Кудесником войдёт в лезгинку,
Творя всё тоже волшебство...
Немой танцует под сурдинку
Большого сердца своего.

***

Переделать меня – никак
Злому умыслу – суесловью...
Ты задумалась, как Ермак,
К моему припав изголовью.

В голове – не белиберда,
Что в пленённом мозгу Кучума,
Не татарская я орда,
Чтоб вот так надо мною думать.

ОБОРВАНЕЦ

1

Радужный и смутный вечер
В неряшливой тишине,
Расхристанный человеке
Шагает навстречу мне.

Насуплено брови хмурит
В оскале фиксатый рот.
Он курит, конечно, курит,
А фарт улыбнётся – пьёт.

Не поздно ему, не рано,
Живёт он самим собой,
Вышагивает подранок
Бездомный к себе домой.

Покудова не опасен:
Есть крыша, и стены, и дно –
В чахоточной теплотрассе
Осиное свил гнездо.

2

По бульвару идёт оборванец,
На лице гуталиновый глянец,
Петушится надменная чёлка.
Завязала узлы барахолка.

Кошелёк уворует гадёныш,
Не поймаешь его, не догонишь,
В лабиринтах его заплутаешь:
Барахолка надёжный товарищ.

Я сказал ему: «Хочешь, отпарю,
Напою, накормлю, накрахмалю...»
Сплюнул он: «Перестань, балаболка,
Мне родимая мать – барахолка!»

САЛАИРСКИЕ РОДНИКИ

В добром теле серебряных руд,
В чистокровных его капиллярах
Освященные истоиво бьют
И, струясь, фонтанируют яро.

Молодила живая вода,
Исцеляла, сердца будоража.
И паслись, и тучнели стада
На просторах альпийского кряжа.

Разномастно пестрели луга,
Обращаясь молочной рекою,
И бессмертный рожок пастуха
Звал бурёнок сюда, к водопою.

Что скорбеть о коровьей судьбе,
Изничтоженной в нашей округе?
Мне шагать неуютно в толпе
К родникам за поповской хоругвью.

САНИТАРНАЯ РУБКА

Санитарная рубка в тиши
Беззащитного бора,
Санитарная рубка – афёра
Низкопробной корявой души.

Мы нечаянно. Мы за чай
Корабельные сосенки пилим
Могутным оборотистым «Штилем»
Прямиком в ненасытный Китай.

Наш кондовый, реликтовый лес
Оборотистый Ванька спровадит,
Сам на полном скаку пересядет
В бронированный мерседес.

Смажет Ваньку, как некую тлю,
Бронебойная пуля-голубка...
Чу! Идёт санитарная рубка
В милосердном тишайшем краю.

* * *

Столбовая дорога
Прострелила насквозь
Огоньки, медуницы
Крушинного лога,
Там, где много-премного
Шаловливых берёз
И счастливых черёмух
Было много-премного.

Вдоль корявых обочин
Тальниковые пни,
В них заросшие шрамы
Дубильного лыка.
Вот и выпали мне
Милосердные дни:
Созревает моя
На угоре клубника.

Средь роскошной травы
Путь заветный просох,
Испарился росы
Перламутровый жемчуг...
Освежит мои губы
Этот ягодный сок
И одна из больных
И красивейших женщин.

СТЫДОБИНА

– Стыдобина моя,
Ни серебра, ни злата.
И красные углы,
И закрома пусты,
И, коли много лет
Мы не жили богато,
Не стоит начинать, –
Всё повторяешь ты.

Блефуешь – это факт,
Ведь зреет авантюра,
Топорщится, как флаг
На медленном ветру,
В твоём крутом мозгу,
И я склоняюсь сдуру,
Как маятник,
К желанному добру.

И снова
От загаданной коврижки
Не сыщешь
Запашистого следа.
Стыдобина моя,
Ты изучаешь книжки,
Как нам разбогатеть
И этим ты сыта.

***

Там сосны, и солнце,
И дождик косой,
И девушка в белом
С косой-резедой.
И скошена мной
На крутом косогоре
Трава-резеда
Под неопытный корень.

ТРИ КЛЮЧА

Три ключа из-под малахая
Настороженного холма
Три фонтанища извергают,
Пилигримов сводя с ума.

Вербный куст, наклонившись долу,
Ухитряется тяжкий грех
Искупать бахромой подола
В тех источниках – сразу всех.

Пьёт размашистыми глотками
(В бликах солнечных – херувим),
Весь увешанный лоскутами,
Словно истинный пилигрим.

Час-другой из деревни хода
Стариковскому старичью.
Тридцать лет и четыре года
Ходит праведница к ручью.

И мечтает о счастье даже,
К вербе вешая лоскуток.
Ей по-детски улыбку кажет
Вновь проклюнувшийся листок.

ТРЯСОГУЗКА

Летний вечер замешан густо
На пыльце травяной, цветочной.
Мать кормящая – трясогузка
Отдыхает на проводочке.

До рабочего дробного стука
Ей, однако, и дела мало.
Под карнизом передний угол
Для гнездовья облюбовала.

Челноком мельтешит пичуга –
Желторотики – тоже птицы –
Указали передний угол
Мне любить и всю молиться.

* * *

Ты везешь молодого сына
На побывку в родимый дом,
Несусветная домовина
В отделении грузовом.
Жизнь ребячью тепло и свято
Чуткой памятью вороша,
И глядится в иллюминатор
Озорная его душа.
Он побудет совсем немного,
Ничегошеньки не прося,
И кладбищенская дорога
Разразится цветами вся.

* * *

Ты легкомысленной Светлане
Дарил деревья и ручьи,
Воздушный замок на елани,
К нему заветные ключи.

Твой дух славянский нараспашку,
И горлышко не взаперти,
Готов последнюю рубашку
На одр любовный вознести.

И божий крест, не богом данный,
Нести в жестокой нищете...
Богатый край ты отдал хану
И воровской его орде.

ЧАСОВНЯ В БЕЛОКУРИХЕ

Она вошла в ущелье тесном,
Тяжеловесна и легка,
И ко двору, и неуместна
Среди повального греха.

Я обхожу неторопливо
Часовенку со всех сторон,
И всякий ракурс объектива
Печалью одухотворен.

Снуют восторженные лица,
Забыв домашний уют,
И златокудрые девицы
Свои визитки раздают.

Лишь престарелая вакханка,
Не нагулявшая власть.
Сюда приходит спозаранку
На образ истово крестясь.

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР

Будто в гости, будто в секту,
В дымке пасмурного дня
Ты уводишь в частный сектор
Горожанина меня.

Он не мот, и не рабочий,
И не брошенный пустырь:
Загорожен, зарешечен,
Словно женский монастырь

Там кукуют, там воркуют,
Бремя тяжкое неся,
Там картошку уворуют,
Там прирежут порося.

То коттедж, то развалюха,
То добротная изба,
И рычат собаки глухо
Возле каждого столба.

***

Шаг махнёшь – юродивый,
Кинешь взгляд – калека.
Наплодила родина
На закате века.
Не зароешь заживо,
Не сварганишь каши...
Чей бычок обхаживал?
А телушки наши.

***

Я новое дело освоил
Привычному вопреки,
А дело-то не мужское –
Тугие коровьи соски.

Чутьём первобытным разбужен,
Я принял божественный дар
Телка-первородка не хуже,
Чем женщина ветеринар.

Моя молодая скотина
Лукаво глядит на бабё:
В деревне красивый мужчина
Из стада встречает её.

***

Я поклонюсь родному дому,
Калитке и всему былому,
Но чтобы с женщиной любимой
Мне воду в ступе не толочь:
Пройду, скрипя зубами, мимо.
Уйду, пыля ногами прочь.

***

Я татарке построил дом.
Обманула меня татарка –
Полыхала усадьба ярко
Озорным голубым огнём.

На Циклопа хребтину гнул,
Надо мной хохотали урки,
Ночь бессонную – не одну –
Собирали его хирурги.

Обустроивал кров попа.
– Бог подаст, – улыбнулся отче.
То ли вор, то ли свора волчья
Съела в стайке его быка.

Добрый ангел – хранитель мой,
Твой удар и жесток, и жёсткий:
Эти хамы прощёны мной,
А казнишь ты их как Дубровский.

***

Явилась. Ступает химера,
Ниспосланная суета –
Бездонная пропасть карьера
Сжирает родные места.

Грибной содрогнётся березник,
Качнётся ромашковый луг,
И канут любезные в бездну
На вечные веки. Каюк.

Не станет крушинного лога –
Забавы отроческих дней,
Лишь тучи зловонного смога
Над милой деревней моей.

**ОГЛЯНУСЬ
С БОЛЬШАКА**

Российский Союз писателей

продано

ОЛДМНУСР
И ВУЛРШКА

Н. И. П. Ш. В. К. И. К. А. К.

Золотой отпечаток

БАЛЛАДА ПРО СТАРУЮ ШАХТУ

Мы в старую шахту пробились забоем,
Бабахнули взрывом над вечным покоем.

Разбойное эхо ответило глухо
Величием гордого русского духа.

Где золото рыли мятежные предки,
Мы ставим стопами узорные метки.

Своими руками ощупали крепи,
Своими сердцами почуяли трепет,

По тесному штреку прошлись раскорячкой,
Померялись силой с демидовской тачкой.

На тачке нескромная чья-то гравюра,
Написано вязью: «Работай, ты-дура!»

Балда деревянная, цепи, колодки,
А всё остальное, как в нашей проходке.

БРАЧНЫЕ ИГРЫ

Стремительные, как стрижи,
На продувном ветру
Вороны чертят виражи:
Ужели не к добру?

Я в этой стае озорной
Не разберусь никак:
Останки падали лесной
Достались от собак?

Где воздух проморожен весь
И, как бочонок, пуст,
Не слышу я благую весть
Из орогательных уст.

Как будто звонкими детьми
Разбужено село...
Да это ж свадьба, черт возьми!
Дошло!

БУРУНДУКИ

А вот чета бурундуков,
Как на залётных чудаков,
Стреляет ядрышками глаз
То мимо нас, то прямо в нас,
Луца орешки про запас.

В ДОРОГЕ

Ночь. Дорога.
Столбы верстовые
И дорожные знаки
Отражают мой путь.
Работяга-мотор
В шинах силы резвит молодые,
И большущий автобус
В небо метит вспорхнуть.

И сама по себе
Вдруг иссякнет мятежная дрёма,
Лишь деревню мою
Озарит фосфорический сноп;
А когда ослепит
Окна старого дома,
Бумерангом в меня
Возвратится озноб.

Вдруг автобус рванёт:
Заскорузлый ухаб-невидимка,
Запоздало водитель
Нажмёт тормоза.
И... счастливейший миг
Мне попутчицу бросит в обнимку,
И такие глазищи
Мне посмотрят в глаза!

Что я сам, как шальной
Опрометчиво брошусь навстречу
И продлю этот миг.
А потом, а потом
Станет мне веселей
И до одури легче,
И покажется прошлое
Мне пустяком.

В НОЧНОМ

Стабунились в урёме рабочие кони,
Мрак-подельник окутал их свежестью летней.
Из промчавшейся мимо жестокой погони
Кто-то взвизгнул рассерженно в воздухе плетью.

Схоронились каурые да вороные,
Друг о друга потёрлись крутыми боками,
Распрямили свои богатырские выи,
Обожжённые оводом и хомутами.

И забилась в экстазе какая-то кляча
От нежданно счастливой доставшейся доли,
Колокольчиком-боталом сход обозначив,
Как рванётся она вдохновлённая в поле.

Растрезвонится всё под расплывчатой высью,
И вернётся погоня, вернётся, я знаю.
Я хватаюсь за нить ускользящей мысли:
Звон предателя ночью меня убажает.

ВОЛЧАТА

Я их нашёл, зверей кудлатых,
В сторожку бережно принёс.
Скулил как будто виновато
Мой преданный дворовый пёс.

Бродила около волчица,
Круги злопамятно верша,
Ворчала на мою светлицу
Её звериная душа.

Соседка вскидывала посох,
Меня безумного кляня.
Волчата в лес смотрели косо
И ненавидели меня.

ГОРНИЦА-СВЕТЁЛКА

Горница-светёлка,
Белая герань...
Я шагнул надолго
В голубую рань.
Ставенки резные,
Петли скрип да скрип.
Милые, родные,
Я во что-то влип.
Будет ли согрета
Робкая душа
В прозвище поэта,
В рубище бомжа?
Я вернусь не скоро
В милые края:
За чужим забором
Горенка моя.

***

Два дерева, как близнецы Сиама,
Вошли друг другу в молодую плоть,
Любить, и ненавидеть, и колоть
Своими деревянными перстами.

Смотрю: вокруг не мишура – свобода!
Расти, деревеня, плодонось.
Но вздрогнул я: они чужого рода,
Листва и хвоя – всё переплелось.

Осины ствол, изогнутый гадюкой,
Нанизан на сосновые шипы,
Единые страданием и мукой,
Как две непредсказуемых судьбы.

Скрипят они при ураганном гуле
И тронутые лёгким ветерком...
Вершины обе, сломленные бурей,
Лежат себе смиренные рядком.

***

Дырявые калоши,
Я сам молокосос,
С девчоночкой хорошей
Я еду на покос.

Надюха-повариха –
Шальная голова,
Об этом говорила
Радушная молва.

Эх! Как дурманит сладко
Сиреневый платок!
Тут умная лошадка
Сама свернула в лог,

Свернула в лог ли, в согру ли,
А в общем, в полубред.
Иду на полусогнутых
Я за Надюхой вслед.

Не высказать, не выразить
Досужих мыслей мне,
Я лишь слежу за вырезом
На девичьей спине.

Поведай мне, повыведай
Счастливая судьба:
Куда кривая выведет
Гулливая тропа...

***

Ещё грустит завьюженное поле
По чернотропу, золоту хлебов...
Скулит во мне и просится на волю
Охотника неугасимый зов.

Добытки – отец и дед и прадед –
Бойцовский дух вдохнули в душу мне;
И руки сами тянутся к прикладу,
И думы там, в таёжной стороне.

Но матушка – хранительница дома,
Внушала часто: «Не убий, сынок».
Тетерева токуют по урёмам,
И рябчики летают на манок.

Но зов живёт и остаётся страстью,
Томясь в пределах маминых границ.
Я думаю. Я знаю – это к счастью:
В тайге так мало и зверей, и птиц.

ЗАДВОРКИ

Родные задворки, чужие заборы,
Глухие решётки, тугие запоры.
Живёт за решёткой чета голубей –
Российское чудо заморских кровей.

Они виражей не писали ни разу:
Хозяин боится пропажи и сглазу,
Он сам криминальный до мозга костей
И держит впотьмах чужестранных гостей.

Он крепок ещё, как осенний обабок;
Он столько потратил зелёных бабок,
А коршун какой-нибудь стащит голубку,
Польстится дурак на заморскую юбку.

***

Л. М. Гержидовичу

Край таёжный – зелёная Мекка!
Ныне, присно, во веки веков –
Панацея мужам и калекам
От мирских и вселенских грехов.

Помолиться естественным слогом
С колыбели учила меня
В чистых дебрях крушинного лога
Родниковая память ручья.

Добрый ангел в обличи утки
Потихоньку поведывал мне:
Каково распознать незабудки
На угоре, в душистой копне.

Осенят соловьиные кущи,
Приоткроют завесу леса,
Что за радость: свой хлебец насущный
Добываю я в поте лица!

***

Зимний лес распахнут настезь
Четырём ветрам,
Словно посуху, по насту
В чудотворный храм
Входим мы, и на ступени
Грешнику подстать
Захотелось на колени
Мне тихонько встать.

По-крестьянски, по-кержацки
Двоеперстьем – лоб,
А потом к тебе прижаться
И упасть в сугроб.
Ты брыкайся, отбивайся,
Зли меня, смеши.
Суть сует – грехи и кайся
И опять грехи.

ИГРОК

Из-под ложечки – под лопатку
Прожигает ползучий змей...
Всё по правилам, по порядку:
Проигрался – тебя взашей.

Разлетелись мои калоши
От уверенного пинка...
В пиджаке моём медный грошик
Затерялся наверняка.

Я обидчикам благодарен,
Улепётываю трусцой.
По карманам с надеждой шарю,
Руку вытащил – золотой!

КОЛОНОК

Вот грациозный колонок,
Прыг-скок с колоды на пенёк,
Как рыжей молнии зигзаг
То из оврага, то в овраг.
И вроде я ему не враг,
Зачем он так, зачем он так?

ЛЮДМИЛЕ

Безмятежно-улыбчивый профиль,
Серебром осянная прядь...
Захотелось мне радужный кофе
В церемонном поклоне подать.

Как блаженному, крепкой ладонью
Вдоль простынки пройтись не спеша...
Ты вольна потянуться спросонья,
В пробуждении сладком свежа.

Ты вольна отдалённое чувство
И приблизить, и выставить прочь...
Захотелось мне просто холуйства
В предвесеннюю лунную ночь.

МАРТ

Позолотели пряди гор –
Проталинки на белом снеге.
Колхозный сторож Исидор
Провёл техминимум телеге.

Поправил ступицы колёс
И лемех старенького плуга,
Подковы добрые принёс
С каким-то потаённым звуком.

Затем расслабиться домой
Зашёл к старухе ненадолго
И глянул в «ящик голубой»,
Как на вчерашнего парторга.

Как жить?! Тот ящик без конца
Народу русскому диктует.
Откушал Исидор сальца,
Попил кваску и... в ус не дует!

***

Машина вздыбила песок
От пропасти на волосок.
– Мешаешь, Ангел, мой хранитель!
Подумал, осердясь, водитель.

И снова выжал всё что мог,
И через пятый кувырок
Машина улеглась бочком,
И ни царапинки на нём.

А дома пил томатный сок,
Жена любимая в висок
Его ударила шутя, –
«А всё ж угоден богу я!»

МОЯ МУЗА

Ты пришла новолунием в полночь
И застала меня в кровати,
И сказала мне: «Милый, полно,
Не гони меня бога ради».

Говорю, размежая веки,
Говорю я, сжимая боль:
«Завтра мне опускаться в штреки,
Завтра мне цикловать забой».

Мне к стихам никакого дела,
От злословия я устал:
Жизнь шальная подшевелила,
Хлеб насущный подорожал.

Мороз и морок в кратере карьера,
Огонь и дым над контуром холма.
Стоит шандинка старая, сама
Своим глазам слезящимся не веря.

Давно ли белый бархат ковыля
Её ласкал в поскотине аула?
Её земля, прапращуров земля,
Весь день гудит от яростного гула.

«Шайтан, шайтан», – скривляются уста,
Когда БелАЗ обрызгивает смрадом.
Любимые, родимые места
Как будто чёрным выхлестало градом.

Кожух расписан вязью непростой,
Лоснятся полы, рукава лоснятся.
Будь проклят тот, кто предал край родной
За дробовик и порох рудознатца.

Иссяк родник и пересох ручей
С такой прозрачной ключевой водою.
Чужие кони, табуны коней
Бегут, сшибаясь, к бензопою.

* * *

Мы в детстве все любили дураков:
С профанами великовозрастными
Легко было скакать на хворостине,
В отчаянных играя казаков.

Мы сильными могли повелевать.
Дебила Стёпку вырядить в Адольфа
И публике уставшей, но довольной
Кромешный суд над фрицем показать.

– У, Ироды! Стыдоба-то какая! –
Крестилась богомолочка седая. –
Антихристы! Развернется земля!
Блаженный он, и – бог ему судья!

Не маг, не бог – Победа исцелила,
Казалось бы, пропащего дебила.

И потянулись сверстники к нему...
И кто-то у него на побегушках,
Кого-то Стёпка посадил в тюрьму,
Кого-то просто заточил в психушку.

***

Мытарясь по окрестностям села,
Просил я подаянья у реки.
Вдруг увидел могучего орла,
Как кур во щи, попавшего в силки.

Стервятник был и величав, и горд,
Попался, терпкой падалью прельщён.
Ему я вынес строгий приговор:
На чучело вполне сгодится он.

И, сдавленный рогатиной, похож
Гортанный клёкот на предсмертный крик,
Но отчего-то непослушный нож
Освободил мерзавца в тот же миг.

Лети, кружи, благословленный мной,
Над логовом звериным бытия...
Мы с нашей расторопной душой
На падаль падки: ты – стервец, и я.

НИЩИЙ

Никогда ни любовь, ни злобу
Не выплёскивал на изгоев:
Нас испытывало на пробу
Подземелье крутых забоев.

Сколько их, что с тупым усердьем
На подмостках шального века
Спекулируют милосердьем
Православного человека.

Тщетно силюсь из-под лохмотьев
Речь живительную послушать,
За ничтожной вонючей плотью
Угадать я стараюсь душу.

И брезгливо бросаю деньги,
Сам доволен самим собою,
Вон тому, что похожий тенью
На товарища по забую.

Заговаривать с ним по фене
Или дружески мне постыдно,
Хотя вижу, что не мошенник,
А такой же рабочий, быдло.

Но единожды, словно другу,
Как с похмелья или спросонья,
Я подал ему просто руку
Растопыренную ладонью.

Он пожал её без эмоций,
Лишь в глазах его отблеск хитрый
Прорябил, как в гнилом болотце,
И сказал он: «Спасибо, Дмитрий».

***

Ночь светла, можно книгу читать,
Рвать смородину в тихом логу.
Я ресницы твои сосчитать
По ресничке сегодня смогу.

Видишь, милая, зорек костры:
Зорька вечера, зорька утра.
Повстречались две ясных сестры,
Обнялись, ты – их третья сестра.

Оттого эта ночка светла,
Можно книгу читать о любви.
Только буду я всё же считать
По ресничке ресницы твои.

***

Опахнёт груздёмвым сентябрём,
Нивой жжёной в воздухе запахнет...
Мне случалось быть поводырём
Лошади, состарившейся в шахте.
Умные, огромные глаза –
Понимаешь сердцем – неживые,
Торба полотняная овса
На согбенной, в ржавых струпьях вые.

Трапезу последнего пайка
Смаковать была лошадка вправе,
А затем купать свои бока
В чистой малахитовой отаве.
Что-то я фальшивое, свистал,
Провожая к дальнему околку,
Чтоб никто ни палки, ни хлыста
Не поднял на старую шахтёрку.

ПОПЕРХНЁТСЯ ДУША

Оглянусь с большака на крутом перевале
По наитью богов, по привычке бродяг;
В откровенном и чопорном лае собак
Мне почудится вдруг: там меня почитали.

Почитали не странника, не златоуста
Орошённые тихой любовью места –
Я вершил своё дело с застенчивой грустью,
Понимая величье своего ремесла.

Знаю, дело верней непотребного слова,
Меркантилен когда человеческий дух.
...Дремлет в стойле пустом белый конь Пугачёва,
И гниёт на мели Стеньки Разина струг.

Оглянусь с большака на крутом перевале:
Поперхнётся душа благодатью тайги.
Мне почудится вдруг: там меня почитали
За простецкое дело – тачать сапоги.

ПУТАНКА

Путанка-пройдоха,
Беглая река,
Я не ждал подвоха
В чаще тальника.
Перешеек с древним
Кряжем поперёк...
Я однако сдрейфил
И от страха взмок:
От такой колоды
Километров пять
Я прошёл. А воды
Повернули вспять?
И как будто в гору,
В дебри напрямик,
И осенний морок
Мне не проводник.
То ли за нездешнего
Принимает лес,
То ли в сети лешего
Я, как муха, влез?

МЕСТЬ

Всю-то горенку-избу
Поизгадил вор.
И сказал я: «Зашибу!»
И помчался в бор.
В бор по следу варнака
На своих борзых,
Два красивых батога
Выпросил у пихт.
И раззуживал плечо,
Потирал кулак...
Наклонялся над ручьём,
Воду пил варнак
И калину, как рябок,
Обрывал с куста,
И поставил я батог:
Это неспроста,
Значит, он совсем больной,
Голоден дружок...
И поставил я другой
Наземь батожок.

РУДНИК

Свинцово-цинковый рудник
Над всеми высится свинцово.
Домишко к домику приник –
Один к фундаменту другого...

Я не цветочную пыльцу
Глотал в забоях раз за разом;
Ему, как крёстному отцу,
Ничем я в жизни не обязан.

Он тоже не обязан мне
Своим отеческим вниманьем.
Он в череде голодных дней
Нас многих принял на закланье.

Из сонма дьявольских наград
Дарил направо и налево
Моим друзьям и всем подряд
Своё чахоточное чрево.

РУКИ

Нередко я руки теряю,
Как будто и не было их:
Ладоней шершаво-корявых
И пальцев избито-кривых.

Чужие – по самые плечи:
Ни болей, ни судорог нет.
За что меня, кто покалечил
В расцвете задористых лет?

Какой суеверный фанатик
Загребы мои уволок?
Наверно, породу лопатит,
Наверно, крушит уголёк,

А может, таинственным сводом
Красивые крыши вершит..
«Опять ты раскинул колоды», –
Жена среди ночи ворчит.

СВЯТКИ

Ещё один благополучный
В сугробах утопает день.
Сосновый пень, большой и тучный,
В берете белом набекрень
Манит к себе тропинкой-змейкой
С дороги праведной свернуть:
Вдвоём уже мы шайка-лейка,
Уже мы стоим что-нибудь.

Рванётся заяц без оглядки,
Испуган посвистом моим.
В деревне праздничные святки,
И в каждом доме херувим.
Пойдём, пенёк, победокурим,
Из разлитого ковша
Чуть-чуть к своей добавим дури,
Чтобы оттаяла душа.

Покажем в гуще посиделок
Своё бесовское лицо
И станем скромно лапать девок
Среди обкуранных юнцов,
Покамест кто-то в круговерти
Рождественского торжества
Признает нас и крикнет: «Черти!»
И... закатает рукава.

* * *

Слепнет одинокая звезда,
И зовёт дорога в никуда.
Осенит черёмуховый куст,
Что я гол и безнадежно пуст.
Вот и всё, приехали, кажись...
Здравствуй, жизнь, и
До свиданья, жизнь!

СОРОКА

Сентиментальная сорока
Нашла пророка без порока
В сутане чёрного грача.
В лесу об этом стрекача,
Дала из леса стрекача.

СТАРУХА

Входила в дом соседская старуха,
Ещё с порога истоиво и глухо
Мать костерила, костерила нас,
И Гитлера, и весь иконостас.

– У-у, ироды, суразы, истуканы!
Мы разбегались, словно тараканы,
Ошпаренные лёгким кипятком,
Задержишься – огреет батогом.

И мать ей не перечила ни разу,
Что не бродяги мы и не суразы,
Сама не потаскуха, а жена –
Всему виной – проклятая война.

Нахохлившись, как чёрная грачиха,
Старуха в сени выходила тихо.
И мама суетливо по пути,
Крестясь, шептала: «Господи, прости,

Суди её сердешную Господь».
И находила на сенном окошке
То туесок старухиной картошки,
То хлеба запашистого ломоть.

СУРОК

Лохматый увалень-сурок,
Не впрок нагуленный жирок,
Невольно плавится в жару –
Животик бархатный в жиру
У лежебоки на юру.

СУХОВЕЙ

Атакуют суховей
Пыльным гневом сумасбродца...
Отшатнулся журавель
От забытого колодца.
Прорастают трын-травой
С петель сорванные створки.
С родниковую водой...
На колхозные задворки
Оттеснил водопровод
В пору сельского расцвета,
Позабавивши народ,
Сам забвенно канул в лету.
Не пригоден журавель,
Нет воды в водопроводе,
И щекочет суховей
Будыльё на огороде.

ТОРГОВКА

Одѣжка старая неряшлива,
Из допотопного сукна,
Сама из ряда не калашного –
Торговка низшего звена.

Местечко с боем завоёвано
У старых рыночных ворот.
Она торгует наворованным
И всем, что боженька пошлёт.

Глаза большущие навывкате,
И матом сдобренный язык.
Пожалуй, сразу не привыкнете,
Её истошный слыша крик.

Пожалуй, вам, друзья, до лампочки
Её базарное тряпье.
Я подошёл, окликнул лапочкой,
Назвал красавицей её.

Она зарделась, как девчоночка,
Язык паршивый прикусив.
И стала нежной прядью челочка,
А профиль – чёртовски красив.

Она глаза и руки прятала
От комплимента моего.
Товарки говорили: «Спятила!
Давай раскручивай его!»

С тех пор меня повсюду выглядит,
Где только я ни появлюсь.
Глаза большущие навывкате,
А в них доверчивая грусть.

ТРОПИНКА

Вот строчка и зигзаг,
Вот петелька и скидка.
Спустилася в овраг,
Там лёжка и отсидка.

Приблизилась к пеньку
У сосенки – заминка,
Знать, к дятлу-старик
Прислушалась тропинка:

– Трудяга шевутной,
Столяр неутомимый!
В твоей работе сбой,
Что это? Аритмия?

Не ладно с головой?
Замучила отдышка?
Да нет, полупустой
Вдруг оказалась шишка.

***

Трудным часом, добрым часом,
Как в замедленном кино,
Шла за гробом ловеласа
Охмурённая давно.

Посыпала на дорожку
Богородскую траву,
Называла бабкой-ёжкой
Раскрасавицу-вдову.

Как в мешке хранила шило –
Страсть безумную к нему.
«Что-то в горле запершило», –
Скажет мужу своему.

И надушенной перчаткой,
Как сориночку в глазу,
Уберёт она украдкой
Набежавшую слезу.

***

Ты давно в апогее
Красоты и ума,
И на мужниной шее,
И немножко – сама.

Обаянье принцессы
И негаснущий стих,
Ловеласы, повесы
У подмётки твоих.

Мудрость, зло и коварство,
Добродетель змеи,
Коронована царством
Наивысшим – семьи.

В этой жизни стремительной
Не понять ничего:
Нет достойного титула
У меня одного.

Я на ласку нечастую,
Как на свечку, гляжу.
Всё мне думалось: властвую.
Оказалось – служу.

***

Ты ушла, сказала: «По фигу
Мне лесная благодать».
Коршун сел на столбик вогнутый,
Отдышался и опять
Как ударит вслед за голубем,
По-за облаком настиг.
Был он жаден, был он голоден,
Сокрушил в единый миг.
Я, однако, сыт по горлышко
Свежей трапезой орла...
Вот сию считаю пёрышки
Голубиною крыла.

УЖ

Лежит на колодине серая штука,
Я руку подставил: «Горыныч, привет!»
Змея отвернулась: «Я не гадюка –
Ни яда, ни жала, ни холода нет!»

ФИЛИН

Утробный вздох праматери земли,
И дикий вопль чудовища лесного...
Затихли говорливые ручьи,
И у костра ни возгласа, ни слова.

И вот уже раскатами: Ха! Ха!
Кромешный вопль над нами издевался...
– Сашок! – звала Таньчура жениха,
Жених молчал и глупо улыбался.

ХОЗЯИН ШАХТЫ

Антрацит шахтёрского мундира
Выгорел, и выцвел, и усох.
И хозяин шахты Салаира
Реже всё является врасплох.

Мне в горниле каменного грота
И за каждым выступом впотьмах
С юных лет внушал он отчего-то
Мужество и неподдельный страх.

Он забавой озорного друга
Мог перед лицом обрушить свод.
И смеялся, коли жар испуга
Мне мозги усталые сведёт.

Сам я в шахте, как на поле битвы,
Доблестно в ответ благодарил,
Ублажая слух его молитвой,
Или чёрным матом костерил.

Я душою старого шахтёра
Не постиг негаданых затей:
Мудрого и глупого отбора –
И карать, и миловать людей.

ШЛЯГЕР

Разухабисто, вольно, красиво
Пел задорную песню чудак.
Волновалась роскошная грива
Молодецкому шлягеру в такт.

Солидарен ребячьему братству,
Мерин мерно копытами бил.
«Эх, поедем, красotka, кататься», –
Умилённо мальчишка просил.

Уцепившись рукою за холку,
Дирижировал лихо – другой,
И трепал золотистую чёлку
Очарованный ветер лесной.

***

Я шалел от восторга,
Кувыркаясь в большущей траве,
И, смакуя, жевал молодую травинку.
А минуту назад
Был распят я в глубоком шурфе
И огромное небо
Казалось с овчинку.

Я шалел от восторга,
Когда замер, дрожа, паровоз
И патлатый мужик
За окошком воскликнул: «Рассея!»
Потемнело в глазах
От нахлынувших слёз,
А в душе посветлело
От встречи с Россией моею.

И теперь я шалею.
Душевный восторг
Первозданной любви,
Первозданное чудо:
Из каких-то глубин
Добрый ангел исторг
Это чудо под праведным
Именем Люда.

ЛЮБО, ДОРОГО...

Имя: _____
Фамилия: _____

ПРОСЬБА

Сделай

И попроси

Сделай

Сделай

Сделай

Сделай

Сделай

Сделай

***

Не ищу потаённого смысла
У житейской таежной тропы.
Изогнулась ольха коромыслом
И вершиною – ниже травы.

Оробела в тишайшем поклоне –
За какую греховную спесь?
Оглашенная птица трезвонит –
Неужели печальная весть?

Прогоняю досужие мысли,
На судьбину роптать не резон.
Изогнула судьба коромыслом –
Миру божьему вечный поклон.

***

В лубяной сторожке лесосклада
Я пригрел мальчонку – конокрада.

Будто с настоящим человеком,
С ним делился хлебом и ночлегом,

Мыслями о праведном, о скверне
В нашей позаброшенной деревне.

В голове его мозгов не густо.
Поводок ременный недоуздка

Теребил мальчишка, словно четки,
Посылал меня к едреней тётке.

И в каком-то старческом молчанье
Целый день валялся на топчане.

А когда смолкали перепелки,
Оглашались топотом проселки,

Гнал свои мальчишеские годы
К перекрёстку скорби и свободы.

***

Смиренно живу
И в годину лихую
Добром и любовью
Наполню стихи.
Бьют по щеке –
Подставляю другую.
Деревенеют
Мои желваки...

Вот я, радея
О слоге высоком,
Стану тишайшим
И ниже травы...
Ветхозаветное
«Око за око»
Знали древляне.
И были правы.

***

В апогее кромешного гнуса
Спеет жаркое лето в тайге.
Я на милую землю вернулся,
Из житейского выйдя пике.

Эти руки и жадно, и споро
Раскряжут седые стволы.
Запевалою птичьего хора
Станет «вжик» искромётной пилы.

Добрый промысел божьему – ровня,
Храму вечному – верной сестрой,
Милосердно воспрянет часовня
Над сибирской угрюмой тайгой.

***

Ни шатко, ни валко,
Проблем никаких,
Любовь – приживалка
В хороммах моих.

Над городом – ветер,
На улице – грязь
Бродила по свету
И вот – прижилась.

Я холоден брату,
Я мерзок отцу...
Счастливым, богатым
Поеду к венцу.

***

Мне какое дело,
Вроде, никакого –
Курица запела
Ровно полшестого,

Может быть, свихнулась
На курином горе...
Матушка проснулась
И взяла топорик.

***

Попутный ветер, солнце встреч,
И матушка-тайга
То скинет легкий иней с плеч
В порыве ветерка,
То сизой дымкою костра
Разбередит тоску.
И мне ни пуха ни пера
Морзянкой на суку
Тихонько отстучит. Лыжню
Снежком запорошит...
Костер сварганю, и – огню
Душа принадлежит.

ОСЕННИЙ ЛЕС

В своей изодранной одежде
Еще благоухает лес
На зори теплые в надежде,
Но с дрекольем наперевес
Стволы натруженные гнет
Перед холодными дождями.
Уже привычная меж нами
Беседа легкая нейдет.
Мужчин-аскетов бес попутал,
Мужская дружба отцвела.
Нам просто хочется уюта,
А проще – женского тепла.

***

Ноябрь завернул стужей,
День подкузьмил снегопадом.
Тебе наречён мужем,
Он оказался гадом.

Ты же другими властвуй,
В меру люби и сохни,
И говори ему: «Здравствуй»,
Думая: «Гад, издохни».

***

На моей белоснежной Родине
Вихри всякие колобродили.
Посреди зимы морось-оттепель
Непогодушка завернет теперь,
Или стынь-мороз по-над пашнями
Грянет вдруг по-сибирски, по-нашему.

НА ЕНИСЕЕ У КРАСНОЯРСКОЙ ГЭС

Как знать. Как знать...
Осилит ворон, повернет ли вспять
Воздушную тропу над Енисеем,
Слежу за исключительной затеей.

Как знать, как знать...
Да есть ли в мире что-нибудь под стать
И норовом, и мощью исполину,
Но человеке выдумал плотину,
Уверенно скомандовал: «Стоять!»

Потомков долго будет чаровать
Державных пихт неведомая рать –
Давно одушевленная природа
Мятежным духом русского народа,
Советская, родная благодать!

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

На Весенней бравирует лето
Над холодным и пасмурным днём,
Будто каждая клумба согрета
Полыхающим вечным огнём.

Луч проглянет – порхают стрекозы,
Солнце спрячется – явственной грусть.
Набегают непрошенно слёзы,
Только я никого не стыжусь.

Подрастает былинное братство
И лиричных, и пафосных лип,
И не может наивным казаться
Из души моей рвущийся всхлип.

ЧАЙ

Закипает святая водица
Из серебряного ручья.
В ней святится трава-медуница,
Стебелек смородяжный томится,
И светлеют угрюмые лица
В ожидании питья.

Смоляные бока чифирбака
Опахнет опahalом дымка.
Запах смачно вдыхает собака,
Но вздохнет удрученно, однако,
И свернется подобьем клубка.

Не постичь недокучливой псине
Повседневного прозвища «чай»,
Что всегда на слуху и в помине
С незапамятных пор и поныне
Люди хлещут, пока не остынет
С торопливой командой «Давай!»

В ОВСЯНКЕ

Удалось воспарить на рассвете
Над могучей сибирской рекой,
Там Царь-рыба запуталась в сетях,
И в шахтёрской душе непокой.

Не принять ли монашеский постриг,
Чтобы из благородной толпы
Вдруг узрел нестареющий «посох»
Человека похожей судьбы.

Деревенька ухожена славно
Снеговеем сибирской зимы,
Вот бы мне притулиться к желанной,
Как её вековые холмы.

* * *

Перестану торить дорожку
На заснеженном тротуаре,
Встречу милую понарошку
И умчу на воздушном шаре.

Пусть она в подвесной корзине
Оробеет и даже плачет,
Легче мне в поднебесной сини
Бытовые решать задачи.

Пусть глазищами не буравит
Атаманши курносой вроде.
Ей в ребячьей толпе-ораве
Мною больше не верховодить.

С кем угодно кружится в паре,
Я нисколечко не ревную:
Я теперь на воздушном шаре
В небеса укачу любую.

***

В осеннем лесу осиновом,
Играючи, топорищем
Он разорил осиное
Папирусное жилище.

Осы детишек нянчили
В легкой предзимней спячке,
Было им не до мальчика
Вставшего на карачки.

Пахло все это пакостью,
Не шаловливым детством.
Осы взлетали и падали,
Как от разрыва сердца.

* * *

У проказника внука
Поэтический толк:
Чем страшнее старуха,
Тем душевней восторг.

Остановится с каждой
И поведает враз –
Вразумительный, важный –
Весь словарный запас.

Будто знает секрет он,
Что в юдоли села
Та старуха Джульеттой
Для кого-то была.

Мудрость доброго света
Хоронится в душе...
Обо всем непоседа
Будто смыслит уже.

***

На крылах сарафанного радио
Прилетела угрюмая весть:
И людьми, и судьбою обкраденный
Неприкаянный родственник есть.

Ах ты, горе единоутробное,
Как ты там, за кордонной чертой,
Если я на мятущейся Родине
Вроде первостатейный изгой.

Ты с повадкой на выгулы злачные,
Равнодушный к большому труду,
Я деньжонки умел заколачивать,
А теперь понукаю нужду.

Не последние мы и не первые
Доживаем священные дни,
По великой Советской империи
Тлеют косточки нашей родни.

Успокоится норов бродячий,
Завершая извилистый путь.
Захоронят тебя по собачьи
Кто-нибудь,
Где-нибудь,
Как-нибудь.

У КОСТРА

Коробится коростой
Брезентовая роба,
И корчится береста
В конвульсиях, как злоба.

А в котелке дымится
Заварка зверобоя,
И не на что сердиться
В час вешнего покоя.

***

Распались стаи воронья,
Теперь у каждого своя
Семья и молодая жизнь:
Лукаво мудрствуй и плодись.

И каждый ворон нынче хват –
Чужие гнезда нарасхват,
Чужая собственность – ничья,
Зато добыча для ворья.

Я не завидую жулью,
Но также к своему жилью
Вороной серенькой лечу
И выделяться не хочу.

ЭТЮД

Поле зреющей пшеницы,
Августовские зарницы.
Ворон ждет большого грома
На коньке пустого дома.

***

Хитер бобер,
Его топор
Умен, и ловок,
И остер.

В лесу построил
Водоград,
Шалаш, плотину,
Водопад.

Нашел невесту
По душе
И бредит
Раем в шалаше.

МУРАШАТА

На тропинке муравей
Поторапливал детей.

Много разного народца
На пригорке соберётся,

Чтобы ягоды малины
Рвать большущие корзины.

Ну-ка, детушки, за дело,
Наша ягода поспела.

***

Я отдыхаю «на Канарах» –
Сбылась дурацкая мечта:
Здесь канареек желтых пара
И попугайчиков чета.

И в бледно-розовых чешуйках
Стволы неведомых дерев,
И девушка в прозрачной чуйке
Сидит, однако, присмирев.

А от жары рубашка взмокла
И млеют косточки мои,
И в замороженные стекла
Глядят ревниво воробы.

Самонадеянным бароном
Живу, спокойно на душе,
И попугаи, как вороны,
По-русски каркают уже.

***

Индевеют палатки
Среди старых берез,
В огоньковом распадке
Утром жажнул мороз.

Неожиданной стужей
Прошибает до слез,
Даже трубочкой уши,
Даже свеколкой нос.

Заморожены песни
Перепуганных птиц,
И цветы в мелколесье
Пали, квелые, ниц.

Замороженный горем
В огоньковой судьбе,
Я уйду косогором
По медвежьей тропе.

Возвращусь и... ослепну
От земной красоты,
Словно Феникс из пепла
Возродились цветы.

***

Наливай, Николай, до краев
Вразумительного нектара!
Панорама далеких Мысков
Открывается нам с крутояра.

Своенравная речка Мрассу
Излучается светом излучин.
Мы с тобой на державном мысу
Дети-пасынки самой могучей.

Вон под нами забытый челнок,
Догнивает на берегу трудяга.
Двухпудовкой креститься ты мог,
Нынче стопка заветная в тягость.

Но к чему тягомотина слов
Обладателям божьего дара,
Наливай, Николай, до краев
Вразумительного нектара.

***

То ли вызов, то ли зов
Забубенной воли,
Мне захочется в Азов,
Просто, на гастроли.

Под навесом камыша
Беленькие сенки,
И бурлит во мне душа
Атамана Стеньки.

Баламутят тихий Дон
Резвые мальчишки,
А в груди тяжёлый стон
Мелехова Гришки.

Горемычное «эх, бля»
В забубённом крае,
Лишь побаска Щукаря
В воздухе витает:

Обмелел казачий круг,
Стал бедней и проще,
Как дамоклов меч – каблук
Разлюбезной тёщи.

***

Струится из окон плавный,
Вечерний духовный стих:
Сибирские Ярославны
Оплакивают родных.

Знать, так повелось издревле
Российская плач-душа
Солдатками всей деревни
Очистится сообща.

Немыслимая работа,
Тяжёлый крестьянский быт...
И вот тенорок с причётом,
И вот баритон навзрыд.

И снова душевный трепет
Испуганным воробьём,
Метнувшимся из застрехи,
Вибрирует над селом.

* * *

Неуютно душе в остывающем теле
И покинуть его не приспело пока:
От младенческой зыбки к покойницкой келье
Чабрецом путь усеян и тёрном греха.

Не взывал человеке ни к чёрту, ни к богу,
Правду-матку рубил, не скопил ни гроша.
Может быть, оттого пред небесным чертогом
Оробела душа, растерялась душа.

Он работу любил и работал сгорая,
Он познал подземелий грохочущий смрад.
На Российской земле ему не было рая,
Неужели теперь уготовано – в ад?..

НЕЯСЫТЬ

Бор Бачатский – подарок,
Вроде манны небесной.
Вот неясуть-подранок
На поляне воскресла.

Ниоткуда возникла,
Застонала, как леший,
Словно мальчик-заика,
Ойкнул я и опешил.

Мурава с повиликой
Вся примята под корень,
Словно гроздь брусники
Рдеют капельки крови.

Клюв совы изувечен
И ничуть не опасен,
Крик души бесконечен:
Ах, неясуть, неясуть.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Избушка, приветь побирушку,
В окошко стучится, приветь.
Она угодила в речушку
И ночью могла умереть.

Не зная таёжной дороги –
Не миновать полыньи,
Но странницу выведут ноги
На тёплые окна твои.

Ты скинешь тяжёлые чуни
С её костенеющих пят,
А в печку дровишек подсунешь,
И пусть они жарче горят.

Молиться ты встанешь с зарёю
За лучшую долю людей
И, чтоб не отправить с сумою
По белому свету детей.

* * *

Когда ты слаб и суверен,
Найдётся силушка дюжа,
Хомут, седёлка и вожжа –
Вези возок, лохматый мерин.

И шею взмыленную горби,
Не смей копытами брыкать
И с удовольствием жевать
Хозяйские объедки в торбе.

***

То земельку, то глину, то щебень
Я лопатой беру штыковой,
Мне щегол недокучливый щебет
Проронит мимолётно порой,

Да мои завсегдаи-други
Незловиво схохмят иногда:
Мол, единственный дурень в округе –
Разве в сопке бывает вода.

Пусть злословит народ вездесущий,
Я-то знаю, земелька не зла,
И копаю колодец насущный
С недокучливой песней щегла.

***

Приятели-друзи сдирали корьё –
С кустов тальниковых дубильное лыко,
А их обдирали крутое хамьё –
Петра – недотёпу и Юрку – заику.

Ножи да кастеты
В разбойных руках:
А денежки ваши,
Ребятуски, швах!

И снова приятели в поте лица
В лесу добывают свой хлебец насущный.
Весёлую правду друзьям-молодцам
Навеют таёжные кущи:

Ножи да кастеты
В белых руках,
А Петька по ним
Из обреза – ба-бах!

Не важно, однако,
Попал, не попал,
Ведь Юрка с тех пор
Заикаться не стал.

***

Безобидный паучок –
Ядовитая фаланга –
Мне забрался под бочок
И пригрелся, ну и ладно.

В голове моей возня,
Мысли как в угаре:
Приласкать его нельзя
И нельзя ударить.

ФОТО НА ПАМЯТЬ

Несуразно и неуклюже,
Смеха ради, чертям назло,
Я в межгорбье сажусь верблюжье –
Трепыхающее седло.

Ну-ка, кляча, давай позируй!
Изумлённых зевак маня,
Покажи азиатскому миру
Падишаха востока – меня.

От диковинок Туркестана
До серебряных русских вод
Мне любая наложницей станет
И за благо ещё сочтёт.

Будет ластиться суетливо,
Неумело скрывая грусть,
Вспыхнет лампочка объектива –
К жёнке праведной возвращусь.

ПРИХОДИ НА СТРОЙКУ

Приходи ко мне на стройку ночью,
Приготовил я тебе подарок:
Звёзды нашей улицы рабочей,
Яркий фейерверк электросварок.

Приходи, тебе подъёмным краном
Месяца кольцо смогу достать я
И лоскут вечернего тумана
Оторвать на свадебное платье.

Приходи, мой адрес недалёкий:
С плотницкой бригадой – в поднебесье,
Где ложатся блоки, словно строки,
В дом большущий – в радостную песню.

Приходи ко мне на стройку ночью,
Поднимайся на крутое зданье
И любуйся до утра воочию
Этой ночью – ночью созиданья.

***

Он упал под копыта
Заезженной клячи,
Окрестила «джигитом»
Ватага ребячья.

Сиганул, словно стриж,
В омуток с крутояра,
И девчонка бесстыже
Его целовала.

Он судачит с апломбом,
Вскинув бережно руку,
Он с отличным дипломом
Завершил «фэзэуху».

Респектабельным видом
Обеспечен под солнцем,
Стал заядлым джигитом
И удачным альфонсом.

НА ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ

Стезя кривая привела:
На феерическом закате
Меня, как некого посла,
У пирса поджидает катер.

И судьбоносный путь вершат
Мне предначертанные буи,
И всеми фибрами ликует
Моя сибирская душа.

Розовощёки и крепки,
Тепло приветствуют впервые
В матросках белых моряки —
Телохранители России.

***

Когда заскрипит, запорошит
Азартная зимняя стужа,
В запасе оставшийся грошик
Потратит старик на пичужек.

В своей домотканой рубаше
Он брякнет железной посудой,
Голодные глупые птахи
Слетятся к нему отовсюду.

Над крышей старинного дома,
Над серой оградой дощатой
Вспорхнёт переливчатый гомон
Воспрянувшей стаи пернатой.

В начале прохладного мая
Настигла обычная участь:
Его, не особенно мучась,
Зарыла толпа небольшая.

Тому благодарный свидетель –
Я видел пригожее чудо:
На кладбище птицы, как дети,
Слетелись к нему отовсюду.

СОВЕТСКАЯ ФАЗАНКА

На работу идут гроботёсы,
В шепелявых зубах папиросы.

Вороватыми смотрят глазами –
Топорки у них за поясами.

С Волги-матушки, тихого Дона
Безотцовщина, да из детдома.

Государственные фуфайки –
Фзушники это, хобзайки.

Присмотрела Отчизна, пригрела
Для насущного, общего дела.

Есть жильё и кормежка от пуза
И великая стройка Союза.

***

А в Сибири моей – слухи,
Да весна всю черномазит,
Прилетели грачи – духи
Из горячих, горящих Азий.

Приютил их великан-тополь:
Разразились небеса граем,
Корма во поле полно – лопаи,
Да пребудет пусть Сибирь раем.

Ничегошеньки болезным не жалко,
Вейте гнёздышек своих тыщи,
А вернутся холода – свалка,
Даже свалка одарит пищей.

***

Постарели, разъехались, умерли
Все родные в деревне моей.
Я отрадную думу подумаю
Да в жилетку поплачу о ней.

Огоньковым распадком – к заутрене
Через старый семейный погост,
Где покоится самая мудрая
В чистой кипени белых берёз.

На краю деревеньки заброшено
Приснопамятное жильё,
Я бреду, сединой припорошенный,
Прошлогоднее жечь будыльё.

Распахну неказистую горенку,
В красный угол иконку верну.
Может, счастье беспечною горлинкой
К моему возвратится окну.

***

Обезножела хохлатка,
Опустила крылышки.
И жилось-то ей не сладко
Под дырявой крышею.

Куры сытые – зазнайки
Бьют хохлатку походя,
Выйдет старая хозяйка,
Поглядит, поохает:

– Ах, проклятые стервозы,
Что вы с нею сделали!
И смахнёт скупые слёзы
Рукавами белыми.

Ко груди прижмёт на время,
Думку покумекает.
А петух всему гарему
Гордо кукарекает.

***

С полынного откоса,
Из-под кустов терновника,
Влетел он под колёса
«Урала»-многотонника.

Водитель не причастен
К делам непредсказуемым,
И не было несчастье
Законом наказуемым.

Зверёк-самоубийца
Не стоит сожаления...
А хочется напиться
До умопомрачения.

ОЧАГ

В огоньковых лугах,
На изгибе ручья
Я порушил очаг,
Что когда-то лелеял и холил.
Сколько песен задорных
Здесь пропели друзья,
Шашлычком да зубровкой
Насытившись вволю.

Одолели меня
Бомжеватые воры,
Изгалялись и гадили,
Грабили, жгли,
Я нигде не встречал
Добродушной соседнего бора,
Я не встречу уже
Благодатней вот этой земли.

Трясогузка моя,
Молчаливая птаха,
Ты своих сорванцов
Подняла на крыло.
Мне жилище твоё
Под застрешною плахой,
Извини меня, птаха,
Время рушить пришло.

Мощи спрячу свои
Я в бетонное логово,
Этот искони русский очаг –
На дрова...

Воздаётся судьбой
Богу – богово,
Мне крестьянину –
Трын-трава.

ПОЭТУ

В холостую – выстрел
Канул в небе синем,
Вновь ты мечешь бисер,
Понимая – свиньям.

Всё тебе по силам
На большой пирушке,
Хрумкают красиво
Бедолаги-хрюшки.

***

Взыграла опять надолго
Во мне молодая сила:
Меня телеутка Ольга
Плотничать пригласила.

Крутится баба белкой
С умыслом и со смыслом:
Спутниковая «тарелка»
Над домом её зависла.

Мобильник пищит в кармане,
Модная сигарета...
Стало ей тесно в бане,
Срубленной при Советах.

Женщину и в Союзе
Горки не укатали –
Глянется ей джакузи –
Баба при капитале.

***

Потерялся мужик-горемыка,
Чист одёжкой, праведный ликом.

По чужой ли, по собственной воле,
Может, вытает где-нибудь в поле.

Ниоткуда свалились напасти:
Непригоден мужик на запчасти.

Не водились в карманах деньжонки
И не сохли о нём старушонки.

По затейливой нашей округе
Не гуляли враждебные вьюги.

Потерялся. К чему бы всё это?
Нет в душе православной ответа.

ИГЛА ДИКОБРАЗА

Попутчик мой на все мои вопросы,
За что, и где, и сколько отсидел,
Курил, смакуя жадно, папиросы
И всё куда-то в сторону глядел.

Трясло машину, крытую брезентом,
И ветром не проветривало нас.
– За кражу что ли? Может, алименты? –
Тянул я из попутчика рассказ.

Он, как бирюк, не обронил ни разу
Ответа, ожидаемого мной,
Нашёл в песке иголку дикобраза
На остановке получасовой.

И желваки надменные вращая,
Мне подает, не разомкнув уста.
А видится мне шайка воровская
И наркота.

ПИСЬМЕНА

Сам блаженный, сам юродивый
Через тыщи вёрст ко мне
Посылает иероглифы
В каждом мамином письме.

Служба – лямка, чтоб ты сгнула
В чужедальние края.
Уж давно невеста кинула
И гражданские друзья.

Тяжко служится, и вроде бы
Жить красиво на миру.
Что ты пишешь мне, юродивый,
Я никак не разберу.

Избы светлые соседние,
Ты, торчащий из рванья,
Звуки нечленораздельные,
Вот и всё, что помню я.

Несусветная нелепица
В малахитовой траве...
Неужели память теплится
В никудышной голове?

А вот жаждет с нетерпением
Сердце чёрствое моё:
Вроде как благословение –
Наивысшее – твоё.

МАУГЛИ

Уже мусолит папироску
Таёжный бородатый гид,
И мы, умаянные в доску,
Бросаем наземь реквизит.

Искра обнюхала растопку
Бесхитростного костерка,
Мажорный джин стучится в пробку
Прихваченного пузырька.

Курится дымка по урёме
И лиственной, и черневой,
И речь стихает в полудрёме
У комля пихты вековой.

Ленивые витают мысли
По загогулинам души.
Вдруг наши челюсти отвисли,
И мы схватились за ножи.

Ошпарит круто жисть-жистянку
Эпоха нищих и калек...
На нашу скатерть-самобранку
Свалится получеловек.

Исчадьё ада или неба,
А впрочем, скверное – оно,
Оскалясь, схватит булку хлеба
И недопитое вино.

Метнётся в сторону чертёнком,
И мы, осмелившись, потом
Трусливый дух переведём,
Заулюлюкаем вдогонку.

* * *

Любо, дорого, мило
Созревают покосы;
Рядом, около, мимо
Бомбардируют осы.

А удачливый овод
Прожигает рубашку.
Мне бы речку да – в омут,
Да с разбегу – вразмашку.

Да измазаться илом,
Да обвешаться тиной,
Да с девчоночкой милой,
Да в реке – пескариной.

* * *

В сторожке, на рогожке
Прилёг дедок с дорожки,
Свернул бушлат Данила –
Ногам чтоб мягче было.

Под голову – чурбак,
Мол, обойдётся так.

То высота крутая,
То леденистый брод,
Ногам она – дурная –
Покоя не даёт.

***

На вершине пригорка,
На осиновом пне
Тосковала тетёрка
По безбедной весне.

Ослабели морозы,
А весна не видна.
Семя белой берёзы
Заронила она.

На трухлявых подмостках
Зыбучего пня
Хорошеет берёзка
Ярче день ото дня.

На гнилом пьедестале,
Высоком, крутом...
Страшно даже представить,
Что же будет потом.

***

Откукует кукушечка скоро
На опушке окрестного бора,
Насчитает лихие години,
Не осилить мне и половины.

Но коснётся коса травостоя
На макушке петровского зноя,
Да нальются медовые злаки –
Я забуду кукушечьи враки.

И забудет родная сторонка,
Но овсянка – приёмная мать,
Будет нянчить её кукушонка
И научит по жизни порхать.

* * *

Подарила бублик
Молодая кобра,
Холостяцкий кубрик
Да собачий коврик.

Глиняную миску,
Чугунок под кашу.
Заведу я киску,
Сибирячку, нашу.

Пусть живёт как хочет,
Делает что знает,
Ноготочки точит,
Только не кусает.

***

Люблю грозу в начале мая...

Ф. Тютчев

Люблю грозу над гладью водоёма,
Пока ещё разведочного грома
Раскаты шаловливые вдали.
Из бора жмёт спрессованным озоном,
И каждый кустик наэлектролизован
Могучим притяжением земли.

Всё ближе грозовая канонада,
Скоро жажнет полудюймовым градом,
Ища слабохарактерную цель,
А я всё дальше, дальше заплываю,
И бьёт по мне литая, ледяная
И вроде настоящая шрапнель.

Мне кажется: я в мире что-то значу
И в струях тело холеное прячу,
На глубину всё чаще уходя,
Возлюбленным и не трусливым сердцем
Я восхищаюсь мощью громовержца
И ангельскими перлами дождя.

МАЙКЛУ – МЕДВЕДЮ ИЗ БЕРЛОГИ САНАТОРИЯ «КЕДРОВЫЙ БОР»

Медведко – пожизненный узник,
В полоску и небо, и лес.
Я твой молчаливый союзник
Из родственных, в общем-то, мест.

Ты пробуешь выломать клетку
Недюжинной силой своей,
Могу я поплакать в жилетку
Об участи горькой твоей.

Окутал грибные полянки
Кипрея сиреневый дым,
Снуют черно-бурые самки,
А мы равнодушные к ним.

Дурманит малиновый запах
Печёнки другому зверю.
Никто нам лохматую лапу
Уже не протянет свою.

Взревём по-хорошему что ли,
Чтоб в душах вибрировал рык.
Нам нечего делать на воле,
Забывшим таёжный язык.

На плитах бетонных остыли
Звериные чувства твои,
Стальные клыки притупились,
А когти дерьмом обросли.

У ПАМЯТНИКА «ЦАРЬ-ПЛОТНИК»

Притулился я на корточках
Возле плотника-царя
По-простецки, по-рабочему,
Тоже плотник-сибиряк.

Не унижен, не обижен я
В непростом моём краю:
Строю я дворцы и хижины,
Баньки русские рублю

Для благого омовения
Нашей русской голытьбы
И горжусь до умиления
Даром плотницкой судьбы.

Возвожу хорошее жилище
За свои непостные харчи,
Чтоб не задымилось топище,
Поплюю в ладони горячи.

Чтоб оно, граненное мозолью,
Руки торопливые не жгло,
Не с такой уж заскорузлой болью
Ровный кант по брёвнышку вело.

Моложаво, весело, игриво
Вспыхнут грани из-под топора.
Я намедни глупый и счастливый
Гостевал у плотника Петра.

Поджидал у Невского причала
Флибустьеров нынешних фрегат.

Дрожь холопа челюсти сковала,
Лишь узрел его державный взгляд.

Только зря сердчишко трепетало,
Колышек, поставив на попа,
Он тесал, у ног его блистала
Та же запашистая щепа.

ПОПУТЧИЦА

Забудусь. Ладонь в подбородок,
Бездумными думками к ней.
Таких я не видывал сроду
В лазурной Сибири моей.

Глазами безвольно уставлюсь
В очаровательный лик.
Дерзай, бородатая старость!
Ищи сопричастье, язык.

Скупые крестьянские грядки
За мельтешащим окном.
Раскройся душа азиатки,
Пригрейся на миг, без оглядки
В простуженном сердце моём.

Порхаешь, как чёрная птица,
Сражая друзей наповал,
Такие красивые лица
Облюбовал криминал.

Судьба ли подносит подарки,
Мне бес ли стучится в ребро.
Ты грохнешь меня в аквапарке,
А может, в столичном метро.

Подняться, да хлопнуть бы дверью,
Да выйти на первой версте,
А я безалаберно верю
Спасающей мир красоте.

***

Заклинаю, прошу, молю,
Жёлудь-семечко, дай росточек
В благодатном моём краю,
В хлопотливом краю рабочем.

Как я долго из глубины
Руд серебряных и свинцовых
Посох гнул к берегам Невы
И к фонтанам Петродворцовым.

Из глухой гольтьбы-нужды,
Беспросветного горя-лиха
Забрести, как домой, в сады,
Затеряться в дубравах тихих.

Мой язык и коряв, и сух
От нахлынувших впечатлений:
В каждом дереве русский дух
И могучий российский гений.

Жёлудь-семечко, прорасти,
В прародителе столько силы,
Да на сотках моих шести
Доброй памятью прорасти
Града Питера и России.

В НЕКРОПОЛЕ

Во благо, вопреки ли всенародно
Я фанатично не склоняюсь ниц...
Среди роскошных мраморных гробниц
Тлетворный запах русского бомонда.

Зачем опять я прихожу сюда,
Здесь каждый склеп для пониманья труден,
Нагайка, зуботычина, шпицрутен –
Вот искренность монаршего труда.

Судить других не фунт изюма скушать...
И кроме императора Петра
Никто из власть имущего двора
Так не проник проникновенно в душу.

Здесь тяжело. Другое люблю мне:
Простор, свобода, щедрое светило
И смерда неизвестного могила
В берёзовой душистой стороне.

***

На Мойке двенадцать. Я около
Предсмертных страданий его.
Далёкая тройка процокала,
Умчала российского сокола,
И в комнате нет никого.

Своё отлюбили, отрезали,
Чужого не прихватить.
Высочайшая Светлость Поэзии
Уехали по свету жить.

***

Снова день погожий
В нашей полосе,
А листы, скукожась,
Облетели все.

Изморось да иней
В надлежащий срок
Ягоде-калине
Подсластили сок.

Закрома успели
Подытожить труд,
Вот и свиристели
Нынче тут как тут.

ПИЛА

Когда в потоке дел заминка,
Я ублажить её готов –
Пилу-кормилицу с щербинкой
Среди сверкающих зубов.

Она крепильщика-шахтёра
Лелеяла день ото дня,
Хоть жизнь брала в крутые шоры
Нерасторопного меня.

Она учила между делом:
Вгрызаться в толщу твёрдых тел
И одарить меня уделом,
Чтоб не остаться не у дел.

***

Улепетывают дни.
Завихренивает осень,
Расчищая между сосен
Трассу будущей лыжни.

Иглы терпкие свои
Омолаживает хвоя,
Белоснежного покоя
Ждут приятели мои.

Ты в распутице-грязи
Занемог на полдороге
И напрасно ждёшь подмоги
Тачку тяжкую везти.

Сядь, пожалуй, отдохни,
Разведи беду руками...
Счастлив тем, что жив покамест.
...Улепётывают дни.

***

Холю резвых коней,
Холю ласковых баб,
Поле-полюшко и
Притаёжные чащи.
И кошель мой не тощ,
Сам в коленках не слаб,
Я цепляюсь за век уходящий.

Удручённо дурачусь,
Тщеславию тщусь,
Искрой божьей зажечь
Костерок настоящий
И вспорхнуть над тобой,
Светозарная Русь,
Сизой дымкою
Пихты горящей.

***

Я топором взмахну и крякну
(Мне дело это по зубам),
И годовые кольца кряжу
Пересечёт глубокий шрам.

Крепись, увесистая чурка,
Несокрушимый делай вид.
Трещит игривая печурка,
И банька русская дымит.

Окно обильно запотело,
Вдыхаю и не надышусь.
Задорно крякая, по телу
Я свежим венником пройдуся.

До одури, молодцевато,
Я исхлещу все мощи всласть,
Водой холодной из ушата
Я обольюсь, перекрестясь.

И тело розово обмякнет,
Иду на воздух, чуть дыша,
А стопку поднесут, и крякнет
Достойно русская душа.

ВЗРЫВНИК

Торопясь и не трусливой прытью
Я шагаю к доброму укрытию.

Позади, в расщелине породной,
Полыхает шнур огнепроводный.

Искрами всё ближе к аммоналу,
Жахнет вдруг! – скалы как не бывало.

Станет в небе облако метаться
И земля и воздух колыхаться,

Сверху падать острые каменя
За мои лихие прегрешенья.

Но меня, как друга-ротозея,
Смерч взрывной по капле не рассеет.

Не хочу я быть распятым взрывом
На лугу до одури красивом.

***

Золотая пора.
Нам пока ещё в пору
Озорной крутизны
Молодецкий подъём;
Мы сегодня взойдём
На неё – соколиную гору,
И вздохнём,
И замрём,
И, быть может,
Немного взгрустнём.

Шепчут губы твои
То ли мне, то ли городу:
Здравствуй!
Мы с горячего камня
Прогоним орла...
Натянул тетиву
Здесь когда-то
Кочевник скуластый,
И где юрте стоять,
Там упала стрела.

А потом. А потом
Бледнолицый придумал молоха,
И кочевника в жертву принёс,
И себя.
Вот и мы присягнули
На верность фабричному смогу
И клянёмся ему,
В нём отечество наше любя.

На соседней горе
От подвижника-деда
Ни могильного камня,
Ни куста, ни креста.
И на жизнь свою грешную
Сетуй, не сетуй
И смотри, не смотри
Настороженно в омут пруда.

Не оставим и мы:
Ни строки, ни картины, ни звука,
И бессмертье – каприз
Добродушных людей...
Но сюда непременно
Влюблённого внука
Приведёт озорная
Ватага друзей.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ЗЕМНАЯ НОША

Август.....	5
Армейское.....	6
Бабье лето.....	7
«Бежит по руднику родник...».....	8
Большая Толмовая.....	9
Брошенный хутор.....	10
Буровая.....	11
В распадке.....	12
«В родном доме...».....	13
В шурфе.....	15
Весна.....	16
«Ветер-дворник метёт, подметает...».....	17
«Здравствуй, доброе утро, Барита...».....	18
Воздушный замок.....	19
Возрождение церкви.....	20
Волга.....	21
«Вы сказали: город мал...».....	22
«Говори, я слушаю...».....	23
«Говорят: смородина поспела...».....	24
Городская площадь.....	25
«Сосны тёплые...».....	26
«Заблажила пурга, заблажила...».....	28

Земная ноша.....	29
Зима.....	30
«Иду проворно, ветер в грудь...».....	31
Изда-читальня.....	33
«Как! Вы не были в Барселоне?...».....	34
«Какое счастье – матушка жива!...».....	35
Каменный лось.....	36
Кержаки.....	37
Кино из детства.....	38
Клесты.....	39
«Ко мне обращались туркмены...».....	40
«Когда устанут языки лихие...».....	41
«Коль вздохнёт под тобою земля...».....	42
«Королевские харчи...».....	43
Кубалда.....	44
«Лесхозовский балок...».....	45
Лесное озеро.....	46
«Лето – жаркая колесница...».....	47
«Мой сосед овдовел на девятом десятке...».....	48
Молодило.....	49
На заимке.....	51
На Кавказе.....	52
На перроне.....	53
На пожаре.....	54
На покосе.....	55
На тригопункте.....	56
«Не приехала. Не надо...».....	57
«Ночами – дождь...».....	58
«Обильные, размашистые вьюги...».....	59

«Остерегайтесь разведёнок...».....	60
Памяти погибших шахтеров.....	61
Первый снег.....	62
Печник Якунин.....	63
Плач-гора.....	64
«Погожий месяц, день пригожий...».....	65
Подражание Лермонтову.....	66
«Покидает родное село...».....	67
«Порой отчётливо, до боли...».....	68
Похороны авторитета.....	69
«Работу любую не хаю...».....	70
Салаир.....	71
Свеженина.....	72
Сирены.....	73
«Снова лёгкий месяц родился...».....	74
Собака.....	75
Состав.....	76
Старая церковь.....	77
Старинный тракт.....	78
Старый плотник.....	79
Убили дятла.....	80
«Узором ветки, упавшей в снег...».....	81
Утро.....	82
«Снежные кристаллики...».....	83
«Ущелье. Фабрика. И пруд...».....	84
Чегемский водопад.....	85
Черёмуха.....	86
«Шахтёрская идиллия».....	87
«Эх! Ударили звонкие струны...».....	88

Эх, ма!	89
«Я не знаю другого ландшафта...»	90
«Я строю домик в Салаире...»	91
«Я холю дом в реликтовом бору...»	92

ИРОДОВ ЛОГ

Авва	95
Альбинос	96
«Будто гром разорвавшейся бомбы...»	97
«В безмолвии белом молва...»	98
В Кулаевке	99
В таёжной избе	100
«В умирающем городке...»	101
«В чистой пойме душистого лога...»	102
В шахтерской бане	103
«Вдохновенное бремя тоски...»	104
Горноспасатели	105
Егорка	107
За колбой	108
«Закружила мечта оглашенная...»	109
«Интуиция бедна...»	110
Иродов лог	111
«Как по зёрнышку – жито...»	112
Крапивка	113
Лада	114
«Мать и мачеха-зима...»	115
«Милый сердцу угол...»	116
«Мне бы выстроить храм...»	117
«Может, к худу, а может, к добру...»	118
«Моя бессмысленная дань...»	119
Мрассу	120

«На корточки присядем у огня...».....	121
На могиле отца.....	122
«Напрямки, вокруг да около...».....	123
«Не вор и не мошенник...».....	124
«Ни кафтан, ни ряса...».....	125
«Ножи вздымает пилорама...».....	126
Олеся.....	127
Пантомима у родильного дома.....	128
«Переделать меня – никак...».....	129
Оборванец.....	130
Салаирские родники.....	131
Санитарная рубка.....	132
«Столбовая дорога...».....	133
Стыдобина.....	134
«Там сосны, и солнце...».....	135
Три ключа.....	136
Трясогузка.....	137
«Ты везешь молодого сына...».....	138
«Ты легкомысленной Светлане...».....	139
Часовня в Белокурихе.....	140
Частный сектор.....	141
«Шаг махнёшь – юридивый...».....	142
«Я новое дело освоил...».....	143
«Я поклонюсь родному дому...».....	144
«Я татарке построил дом...».....	145
«Явилась. Ступает химера...».....	146

ОГЛЯНУСЬ С БОЛЬШАКА

Баллада про старую шахту.....	149
Брачные игры.....	150
Бурундуки.....	151

В дороге.....	152
В ночном.....	153
Волчата.....	154
Горница-светёлка.....	155
«Два дерева, как близнецы Сиама...».....	156
«Дырявые калоши...».....	157
«Ещё грустит завьюженное поле...».....	158
Задворки.....	159
«Край таёжный – зелёная Мекка!...».....	160
«Зимний лес распахнут настезь...».....	161
Игрок.....	162
Колонок.....	163
Людмиле.....	164
Март.....	165
«Машина вздыбила песок...».....	166
Моя муза.....	167
«Мороз и морок в кратере карьера...».....	168
«Мы в детстве все любили дураков...».....	169
«Мытарясь по окрестностям села...».....	170
Нищий.....	171
«Ночь светла, можно книгу читать...».....	172
«Опахнёт груздёмвым сентябрём...».....	173
Поперхнётся душа.....	174
Путанка.....	175
Месть.....	176
Рудник.....	177
Руки.....	178
Святки.....	179
«Слепнет одинокая звезда...».....	180

Сорока.....	181
Старуха.....	182
Сурок.....	183
Суховой.....	184
Торговка.....	185
Тропинка.....	186
«Трудным часом, добрым часом...».....	187
«Ты давно в апогее...».....	188
«Ты ушла, сказала: «По фигу...».....	189
Уж.....	190
Филин.....	191
Хозяин шахты.....	192
Шлягер.....	193
«Я шалел от восторга...».....	194

ЛЮБО, ДОРОГО...

«Не ищущего потаённого смысла...».....	197
«В лубяной сторожке лесосклада...».....	198
«Смиренно живу...».....	199
«В апогее крошечного гнуса...».....	200
«Ни шатко, ни валко...».....	201
«Мне какое дело...».....	202
«Попутный ветер, солнце встреч...».....	203
Осенний лес.....	204
«Ноябрь завернул стужей...».....	205
«На моей белоснежной Родине...».....	206
На Енисее у Красноярской ГЭС.....	207
У вечного огня.....	208
Чай.....	209
В Овсянке.....	210

«Перестану торить дорожку...».....	211
«В осеннем лесу осиновом...».....	212
«У проказника внука...».....	213
«На крылах сарафанного радио...».....	214
У костра.....	215
«Распались стаи воронья...».....	216
Этюд.....	217
«Хитер бобер...».....	218
Мурашата.....	219
«Я отдыхаю «на Канарах...».....	220
«Индевеют палатки...».....	221
«Наливай, Николай, до краев...».....	222
«То ли вызов, то ли зов...».....	223
«Струится из окон плавный...».....	224
«Неуютно душе в остывающем теле...».....	225
Неясыть.....	226
Памяти матери.....	227
«Когда ты слаб и суеверен...».....	228
«То земельку, то глину, то щебень...».....	229
«Приятели-друзи сдирали корьё...».....	230
«Безобидный паучок...».....	231
Фото на память.....	232
Приходи на стройку.....	233
«Он упал под копыта...».....	234
На Финском заливе.....	235
«Когда заскрипит, запылит...».....	236
Советская фазанка.....	237
«А в Сибири моей – слухи...».....	238
«Постарели, разъехались, умерли...».....	239

«Обезножела хохлатка...».....	240
«С полынного откоса...».....	241
Очаг.....	242
Поэту.....	244
«Взыграла опять надолго...».....	245
«Потерялся мужик-горемыка...».....	246
Игла дикобраза.....	247
Письмена.....	248
Маугли.....	249
«Любо, дорого, мило...».....	250
«В сторожке, на рогожке...».....	251
«На вершине пригорка...».....	252
«Откукует кукушечка скоро...».....	253
«Подарила бублик...».....	254
«Люблю грозу над гладью водоёма...».....	255
Майклу – медведю из берлоги санатория «Кедровый бор».....	256
У памятника «Царь-плотник».....	257
Попутчица.....	259
«Заклинаю, прошу, молю...».....	260
В Некрополе.....	261
«На Мойке двенадцать. Я около...».....	262
«Снова день погожий...».....	263
Пила.....	264
«Улепетывают дни...».....	265
«Холю резвых коней...».....	266
«Я топором взмахну и крикну...».....	267
Взрывник.....	268
«Золотая пора...».....	269

Литературно-художественное издание

Клёстов Дмитрий Петрович

ИЗБРАННОЕ

Редактор **Т. А. Сапова**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректор **Т. А. Козяева**
Дизайн обложки **М. Л. Костомаровой**
Компьютерная верстка **М. Б. Сорокиной**

Подписано в печать 14.12.2009. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 5,75. Тираж 500 экз. Заказ 462

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, Ермака, 7. Тел. 58-34-48. www.kvi.bip.ru

Замеченные опечатки

страница	строка	написано	следует читать
7	4 сверху	репишом	репишом
54	6 снизу	смогла – счастлива -	смогла счастливо
54	4 снизу	она, уверенна, спокойна,	она уверено, спокойно
82	2 сверху	По недопониманию	По недопониманию
88	5 снизу	в заметке	в заметке
97	6 снизу	мужа	мужем
103	2 снизу	На мыша	Но мыша
106	5 сверху	снова потысьсь	слова в потысьсь
123	2 сверху	Не души	Ни души
137	8 сверху	Фрушники	Фрушники
249	9 снизу	Свалился	Свалился
255	8 сверху	Скоро жакнет	И скоро жакнет

150